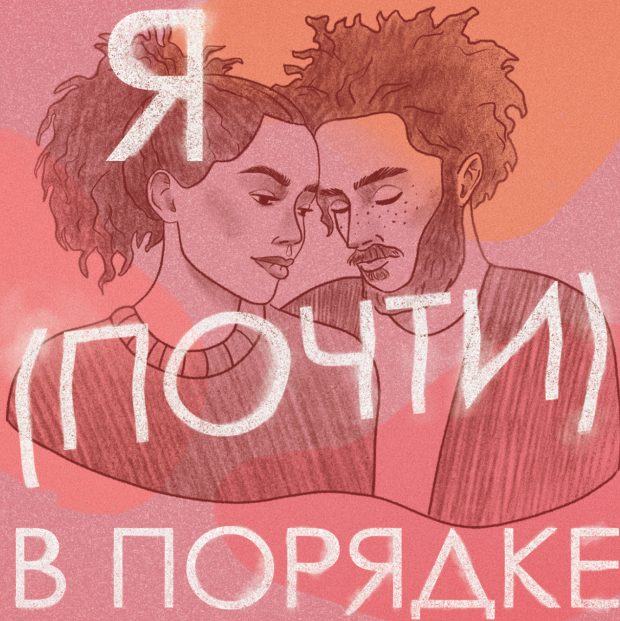

INSPIRIA

ЛИСА
КРОСС-СМИТ

ОНА СПАСЛА ЕГО, ЧТОБЫ ОНИ СПАСЛИ ДРУГ ДРУГА

 INSPIRIA

Лиса Кросс-Смит

Я (почти) в порядке

Серия «Novel. Терапия любви»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69292477
Я (почти) в порядке: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-188148-1

Аннотация

Эта история любви способна залечить даже самые глубокие сердечные раны. Вдохновляющая история о двух незнакомцах, которые встретились, когда больше всего в этом нуждались.

Самая ожидаемая книга Elle, выбор книжного клуба Marie Claire, рекомендация Glamour, Cosmopolitan и Harper's Bazaar.

Терапия любви – это когда любовь приходит в твою жизнь не для того, чтобы остаться в ней, а чтобы ее изменить.

Недавно разведенная Талли возвращается домой дождливой октябрьской ночью. Она замечает мужчину, стоящего на краю моста. Не раздумывая ни секунды, Талли съезжает на обочину и выходит из машины под проливной дождь.

«Можно я угощу тебя кофе?».

Сработало.

В течение следующих выходных Талли старается обеспечить Эммету безопасное и комфортное пространство. Он не знает, что

его спасительница психоаналитик. А она не знает главный секрет Эммета.

Маленькими шажочками они приближаются к причине, по которой Эммет оказался на краю моста.

«Как чувствовать себя в порядке, когда жизнь преподносит все новые сюрпризы? О трудных темах Лисса Кросс-Смит рассуждает с большой нежностью и делает это красиво». – Элизабет Крэйн

Содержание

Часть первая	11
Талли	11
Мост	38
Талли	39
Эмметт	46
Часть вторая	75
Талли	75
Эмметт	79
Талли	93
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Лиса Кросс-Смит Я (почти) в порядке

Leesa Cross-Smith

THIS CLOSE TO OKAY

Copyright © 2021 by Leesa Cross-Smith

This edition published by arrangement with Grand Central Publishing, New York, New York, USA. All rights reserved

© Гохмарк Э., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Читайте в серии Novel. Терапия любви

Долли Олдертон
МОИ НЕРЕАЛЬНЫЕ ПАРНИ

Лиса Кросс-Смит
Я (ПОЧТИ) В ПОРЯДКЕ

Лиса Кросс-Смит

Я
(ПОЧТИ)
В ПОРЯДКЕ

INSPIRIA
Москва
2023

*Лорану и нашим детям, огонькам, мерцающим
в темноте*

Часть первая

Четверг

Талли

Талли видела, как он бросил рюкзак и перелез через металлическую ограду моста. Внизу бежала серая лента подернутой зыбью реки Огайо. Из-за дождя и тусклого света Талли ехала медленно. Времени подумать не было. Только остановить машину, открыть окно с пассажирской стороны и окликнуть его.

– Эй! Эй!

Возгласы Талли учащались и становились громче. Слева от нее несся поток машин. Она вдарила по кнопке аварийки, перелезла через подлокотник и выбралась из машины, на всякий случай оставив пассажирскую дверь открытой.

– Эй! Я тебя вижу! Мы незнакомы, но ты мне не безразличен! Не надо прыгать! – Она говорила громко, чтобы он услышал, но при этом не испугался. Грохотали легковушки и грузовики, грохотал дождь, грохотало небо, грохотал мост, эхом отзывавшийся на остальные звуки, прокатывавшиеся по нему туда-сюда. Грохотал мир вокруг.

Он полуобернулся, его лицо было мокрым от дождя.

– Привет. Меня зовут Талли, – сказала она. – Не надо этого делать. Давай отвезу тебя куда-нибудь? Могу взять и рюкзак. Тебя как зовут? – Рюкзак трогать не хотелось. Он был темно-зеленый и в грязи. Она протянула руку.

– Не трогай, – мягко сказал он. Слишком мягко для человека, решившегося на прыжок в вечность. К чему этот мягкий тон, когда ты уже в шаге от смерти?

Талли вытянула руки перед собой, будто сдаваясь. Она не станет прикасаться к рюкзаку. Ну и ладно. Считай, повезло.

– Извини. Давай поедem куда-нибудь и, может, поговорим? Или я позвоню кому скажешь? Пошли со мной. Найдем какой-то выход. – Ее голос будто взбирался по шатким ступенькам.

Лишь сказав это, она вспомнила, что сама – дипломированный психоаналитик. «Найдем какой-то выход». А как часто дипломированным психоаналитикам выпадает проводить внеплановые уличные сеансы? На самом деле не так уж и редко. Но сейчас сеанс шел «на мосту». Ей пока не приходилось лишаться клиентов из-за их самоубийства, и сейчас она начинать не собиралась. Этот хоть клиентом не был, но вполне мог им оказаться. Она заговорила с ним, будто так и было.

Вместо улицы и холодного дождя она представила, что вокруг них стены ее уютного кабинета умиротворяющего цвета ляпис-лазури, генератор шумов, а рядом – ее базилико-

во-зеленое кресло. Она представила медового цвета блестящий и гладкий деревянный пол, убаюкивающий своей замшей миндально-коричневый диван. На столе у окна работает масляный аромараспылитель: лаванда с нотками лимона – она сама смешивала запахи. Под солнечными лучами в горшках нежатся паучник и драцена, пальмы, монстера, суккуленты – натуральные очистители воздуха. На полках тесно, но аккуратно стоят книги, а на той, что у самой двери, висится соляная лампа с янтарным светом. Она представила кабинет в мельчайших деталях, мысленно перенеслась туда, усилием воли заставила себя говорить спокойным голосом. В приемной по клавишам компьютера негромко стучит секретарша, булькает стилизованный под скалистый водопад фонтан.

Старший брат Талли, Лионел, крутой финансовый босс, выделил ей денег, чтобы всю эту красоту спроектировать с нуля. Это вызывало у нее чувство вины – ведь ей ни за что не отплатить брату чем-то столь же важным и красивым. Она хотела, чтобы человек на мосту пока не знал, что она психолог-аналитик с богатым и крутым братом и снимающим тревогу кабинетом – это бы их разобщило. Пусть он считает ее похожей на себя, думает, что они из одного теста. У нее самой, как и у всех, случались дни, когда хотелось прыгнуть с моста, просто она еще ни разу не перелезала через ограду.

– Нет, спасибо. Отставь меня, – вежливо сказал он. Слишком вежливо перед лицом смерти. Он еще не принял твер-

дого решения.

– У меня тоже бывают паршивые дни. Хуже некуда. Только пережила развод и – еще не высохли чернила на документах – узнала, что пассия бывшего мужа беременна. Я детей иметь не могу, так что это буквально худшее, что могло со мной случиться. Он и сейчас с ней, у них маленькая дочка. Переехали в Монтану, поближе к ее родственникам. Ну какая Монтана? Иногда я вообще с трудом вспоминаю, где это, – говорила она, ругая себя за слово «пассия». Обычно она старалась его избегать, зная о магии, в которой она слову отказывала. «Пассия» с ее змеиными изгибами и придыханиями а-ля Мэрилин Монро заключала в себе столько драматизма и романтики, что казалась желанной.

– Сожалею о том, что тебе пришлось пережить. – Он помолчал. – Но в Монтане живет много народу. Обычный штат. У меня там друзья. – Он резко замолчал. От вежливости ничего не осталось.

Он смотрел вниз, на реку. Было холодно, и становилось все холоднее. Конец октября, ночи все длиннее. От одного этого Талли задавалась вопросом, стоит ли жить на свете – ведь Бог выключает свет. Осень еще ничего, а вот зима! Зима была слишком сурова, чтобы справиться в одиночку, а эта зима будет уже второй после развода. Джоэл проведет ее в Монтане с новой женой и ребенком.

– Ладно. Конечно, с Монтаной все нормально. Так... говоришь, у тебя там друзья. Почему бы тебе не перелезть на эту

сторону и не рассказать мне о них? – предложила Талли, приблизившись к нему на пару шагов.

Он посмотрел на нее и отвернулся обратно к реке. Она впервые полностью увидела его лицо. На нем были веснушки – будто кто-то случайно по носу и щекам рассыпал корицу, сам парень был в куртке того же цвета, что и рюкзак. Джинсы и ботинки – темно-коричневые. Он буквально излучал энергию надлома, она била из него, как из гидроакустического прибора. Плотные волны одиночества. Талли легко понимала эту эхолокацию. Ей и самой одиночество с его волнами не было чуждо.

– Давай им позвоним. Уверена, они будут тебе рады, – сказала она, приблизившись еще немного, и полезла в карман за мобильником. – Как их зовут?

– Я сейчас не хочу с ними говорить.

– И мне не скажешь, как тебя зовут и как тебе помочь?

– Нет, спасибо.

– Ну ладно. Хорошо, – сказала она, тыкая в телефон в надежде найти что-то, что могло бы помочь. Она оглянулась на свою машину, увидела открытую дверь, льющий на сиденье дождь. От уличного фонаря шел мутно-белый свет. Она насухо вытерла пальцы и продолжала тыкать в телефон.

– Ты эту песню слышал? Я ее обожаю, – сказала она и, прибавив громкость, сделала шаг к нему.

Она стояла с безопасной стороны ограды, он – с суицидальной. Она сомневалась, что он услышит музыку. Мир во-

круг грохотал. Она лишь немного удивлялась, что больше никто не остановился, не притормозил и не окликнул его. Люди всегда считали, что обо всем позаботятся другие.

Из телефона доносилась композиция Эндрю Берда¹ *A Nervous Tic Motion of the Head to the Left*. Она не обеспокоилась тем, что в названии было слово «нервный», но в начале песни звучало слово «умер», так что она дождалась этого места и сделала громче, только когда Эндрю Берд начал насвистывать. Это была причудливая композиция, там было много свиста. Она стала просматривать музыкантов в алфавитном порядке и, пролистнув *ABBA*, решила, что на песне *I Have a Dream* с ее полным оптимизма текстом о вере в ангелов остановиться было бы можно. После *ABBA* шел Эндрю. Она вытянула руку с мобильником в ту сторону, где стоял парень, поближе к его уху.

– Послушай этого музыканта. Это Эндрю Берд, и свою песню он насвистывает, как птица². Песня красивая, но я не знаю, о чем она, – сказала она. Дождь поливал ее худи, холодную руку, мобильник. Этот человек, как видно, сильно замерз, даже если он был на мосту не так долго. Она спросила, сколько он уже здесь.

– Не знаю, – по-прежнему глядя вниз, сказал он.

Она не выключала песню до того места, когда Эндрю Берд

¹ Эндрю Берд (*Andrew Bird*) – американский инди-рок-музыкант-инструменталист, певец и автор песен. (*Здесь и далее прим. перев.*)

² От англ. *bird* – птица.

опять произносил слово «умер». Потом опустила телефон в карман.

– Уверена, что ты жутко замерз. Здесь недалеко кофейня. Можно я тебя угощу кофе? – предложила она.

А вдруг он убийца. Или насильник. Может, даже педофил в бегах.

– Так и не скажешь, как тебя зовут? Я представилась. Меня зовут Талли. Талли Кларк.

– Нет, – сказал он. Мягко сказал. Мир вокруг жестоко грохотал, но человек говорил мягко.

– Тебе не хочется чего-нибудь теплого? Подержать в руках или выпить? Не могу же я оставить тебя здесь. Ни за что, – заключила Талли. Протяни она руку – и можно было бы до него дотронуться, но она боялась. Ведь он может прыгнуть. Упасть. Схватить ее и не отпускать, потянуть за собой. Туда она не хотела.

– Поставь еще что-нибудь, – попросил он.

Талли нашла *Jesus, Etc.* в исполнении группы «Уилко» – эта песня ее всегда успокаивала – и протянула телефон мужчине. Так они и стояли вдвоем, слушая вкрадчивый и томный голос Джефа Твиди³. Она сначала обхватила себя руками, пытаясь согреться, а потом просто засунула руки в карман-муфту своего худи.

– Спасибо, – когда кончилась песня, сказал он, возвращая

³ Американский музыкант, прославившийся как вокалист и гитарист группы *Wilco*.

ей телефон.

Она взглянула на шоссе – вспышки и мерцание мини-фургонов, джипов, грузовиков, легковушек – ни полицейских машин, ни пожарных, ни одной «Скорой». Что делать, она не знала – и честно призналась ему в этом. Вдруг ему станет лучше от мысли, что всех ответов не знает никто. И если он собрался прыгнуть, то уже должен был бы это сделать. Так? Так.

– Тебе ничего делать не придется. Все уже сделано, – сказал он.

– Что сделано? В чем вообще дело?

– Не знаю, – сказал он.

Ей даже стало смешно от того, как это было человечно и искренне сказано: я не знаю. Про себя Талли молилась: «Господи, Ты нас видишь. Ты нас знаешь. Пусть к этому мужчине придет знание. Пусть он найдет причину остаться. Услышь нас обоих. Пусть у меня это получится. Не покидай нас».

Она протянула ему руку. Дрожащую, мокрую, холодную. Он посмотрел на нее, на реку. На реку, на нее. Рюкзак лежал у ее ног. Он все смотрел и смотрел на реку. Продолжая смотреть на реку, он взял ее за руку.

* * *

От него пахло дождем. Его куртка была с капюшоном,

который он так и не надел. Какой смысл, если планируешь скоро умереть. Что мокрая голова для мертвого? Он поднял рюкзак и пошел за ней к машине. Сел и закрыл пассажирскую дверь.

– Сиденье намокло. Извини, – сказала Талли, забыв, что он уже и так весь вымок. Она тоже. Она закрыла дверь, пошарила рукой на заднем сиденье. Достала из спортивной сумки полотенце и вытерла лицо. Хотела дать ему, но он отказался.

– Так вот, если ты ждал знака, чтобы не умирать, то знак – это я. То, что я остановила машину. Что теперь везу тебя пить кофе.

– Знака я не ждал.

– Почему нет?

Талли выключила аварийку и подождала момента, чтобы тронуться. Влилась в поток машин. Возможно, это ужасная идея, но она уже воплощалась в жизнь. Это было страшно и захватывающе, сердце Талли замирало, и она сама не понимала – из-за паники или от волнения.

– Не хотел я знака, – сказал он.

– Но он явился, – улыбаясь ему, сказала она. Наверное, искренне улыбаясь впервые за день. Утром, принимая клиентов, она улыбалась, как и было положено, потом прямо в кабинете в одиночестве съела салат с тунцом. После обеда она опять принимала клиентов и перед тем, как уйти с работы, зашла в профиль Джоэла в соцсети – ведь он так и не сменил пароль – и, как обычно, пощелкала по страничке его но-

вой жены. Посмотрела старые фотки ее беременного живота и фотки с вечеринки для будущей матери, которых раньше не видела. На одной из них на заднем плане узнала Джоэла – он жарил мясо. У Талли на веранде до сих пор стоял новенький газовый гриль – Джоэл купил его, но так ни разу и не воспользовался.

Дочке Джоэла было почти два месяца, и на одной из новых фотографий с ней его волосы были собраны в хвостик. Долбаный хвостик! Талли захлопнула крышку ноутбука, закрыла лицо руками, поплакала и ушла с работы. В спортзале на другом берегу реки она пробежала шесть с половиной километров, разочаровав саму себя тем, что не дотянула до обычных девяти или десяти. А по дороге домой она увидела *Мост* – так она начала про себя называть парня с моста, так и не назвавшего свое имя.

Он пожал плечами. Оказалось, в знаки он не верил, хотя она, безусловно, только что спасла ему жизнь. Раньше ей не приходилось спасать жизнь в буквальном смысле слова, и эта мысль ее грела. Она посмотрела на него, оценила его профиль. Наверное, его можно назвать симпатичным и дать где-то от двадцати до тридцати пяти лет.

– Ты любишь кофе? – спросила она.

Во время терапевтических сеансов она использовали множество разных методов: комплексный, модификации поведения, гештальт-терапию, когнитивный. Но еще она верила в силу простоты: слушатель, теплый напиток. Ее клиен-

ты охотнее открывали душу с дымящейся кружкой в руках. Иногда, выписывая квитанции на оплату, она испытывала чувство вины, считая, что не сделала ничего – только вскипятила воды. Она везла его в свою любимую кофейню, возле которой она останавливалась почти каждый день. Там было безопасно. Там он ее не убьет, ведь она знакома с бариста.

– Не важно. – В его голосе было столько невероятной грусти, что могло остановиться время.

– Важно. Ты важен. Твоя жизнь важна. Да-да, – не сдавалась она в ожидании ответа. Не получив его, она продолжила: – Ну... почти приехали. Кофейня чуть дальше. Может, ты ее даже знаешь. Ты местный? Я не очень знаю, что говорить, так что сочиняю на ходу и сейчас вполне полагаюсь на Бога.

– Что, если Бога нет? – Он смотрел в окно, по стеклу, словно нитки бус, ползли дождевые капли.

«Тогда я не знаю. Поэтому приходится верить, что есть», – подумала Талли.

– Тебя зовут Талли? – помолчав, спросил он.

– Талли. Талли Кларк. Сокращенно от Таллула. Что означает «текущая вода... бьющая вода». Но все зовут меня Талли – все, кроме брата с семьей. Те называют меня Лула. – Впереди на углу возникла кофейня, на ней светилась зеленоватая неоновая вывеска, их ждали.

– Ха! – Он повернулся к ней, преобразившись. Улыбка самоубийцы. То ли пугающая, то ли приятная. У Теда Банди⁴

⁴ Американский серийный убийца, насильник, похититель людей, каннибал

тоже была пугающая приятная улыбка. И у серийного убийцы Зодиака⁵, видимо, и у большинства убийц, в конце концов попавших в передачу «Дейтлайн»⁶. – Красивое имя. Но меня зовут не Таллула, – заключил он. Улыбки как не бывало.

Заехав на парковку кофейни, она обрадовалась, что оказалась в людном месте. Сейчас она угостит его теплым напитком, надеясь по ходу дела больше узнать о нем, разобраться, какая именно ему нужна помощь. А потом она окажется дома и в пижаме будет со своими кошками смотреть по телевизору какую-нибудь дрянь, на лице ее будет нежная маска из авокадо, в бокале – вино, на душе приятно от осознания, что она спасла кому-то жизнь.

* * *

Припарковав машину, они вошли в кофейню. Он шел медленно и немного по-ковбойски, она старалась идти с ним в ногу. Пока он придерживал дверь, ей удалось рассмотреть его лицо. Ну да. Вполне симпатичный. Рост *Моста* был примерно метр восемьдесят, почти как у Джоэла. Или ей так казалось. Неужто она помешалась и каждый встречный теперь

и некрофил, действовавший в 1970-е годы.

⁵ Псевдоним неустановленного американского серийного убийцы, действовавшего в Северной Калифорнии с конца 1960-х до конца 1970-х годов.

⁶ Dateline – еженедельная передача американского телевидения (новости, реалити-шоу, право).

будет похож на Джоэла? Волосы у *Моста* были растрепанные, она тут же представила, как дурацкий новый хвостик Джоэла хлещет ее по лицу.

Талли заметила, что под байковой рубашкой у него надета белая майка, из-за ворота торчит золотая цепочка. Позже она еще раз спросит, как его зовут, а может, и сам скажет, если его разговорить. С клиентами она применяла один и тот же метод – с теми, которые являлись на час раньше, а потом зажимались, оказавшись в кабинете. Которые говорили о матерях, но не отцах. Которые говорили обо всех, кроме себя самих. Иногда она гасила свет и, если клиенты хотели, включала тихую классическую музыку. Сюиты для виолончели Баха действовали обезоруживающе. Еще Шопен, Моцарт, Лист, Гайдн.

Миндаль в черном шоколаде и леденцы лежали в вазе из палисандрового дерева, сделанной руками индийских женщин. Она приобрела для клиники несколько таких, а вырученные деньги пошли на борьбу с секс-торговлей. Она дала себе слово пожертвовать на это денег снова, как только окажется перед компьютером. Бедные девочки. А вдруг *Мост* был одним из тех жутких типов, которые девочек покупали? Те парни могут быть где угодно. От этой мысли ее мутило.

Она считала, что прилично разбиралась в людях, когда полагалась на свою интуицию. Она пристально посмотрела на него, чтобы почувствовать исходящую энергию, попыта-

лась решить, действительно ли у него лицо человека, хотевшего умереть. У него были хорошие карие глаза с красноватым древесным оттенком. Она представила кедр – это был ее любимый аромат. На их последнюю годовщину свадьбы она купила Джоэлу дорогой одеколон с нотками кедра. Используя его один раз, он решил, что не сможет им душиться, так как весь им пропитался. «Он потом был везде», – пожаловался муж, а она подумала: «В этом весь смысл». Ей нравилось, как от него пахло в тот день, когда он весь им пропитался. Дома до сих пор стояла бутылочка: стеклянный прямоугольник цвета освещенного солнцем бурбона. Она хотела бы подарить его *Мосту* и сказать, что аромат кедра подходит к его глазам. Может, он бы понял, что это значит. Может, его чувства тоже питают друг друга, просачиваются наружу, оставляют следы. Подобно тому, как от дождя она становилась серо-голубой, и как этот цвет отдавался у нее во рту приторным вкусом голубики.

В кофейне было тепло и многолюдно, кто-то уткнулся в мобильник, ноутбук или книгу, кто-то занимался своими детьми, парнем или девушкой, кто-то проводил время с друзьями или просто ел пирожное и пил капучино. Она с удовольствием купила бы ему кофе и перекусить, если он был голоден. Были ли у *Моста* деньги? А мобильник?

– Ну как, выпьешь кофе – я угощаю? Может, хочешь колу или молоко? – спросила Талли, когда они вместе шли к прилавку. Его ботинки скрипели, с рукавов куртки стекала вода.

– Я выпью кофе, – кивнув, сказал он.

– Черный?

Он снова кивнул. Она убеждала себя, что его пугающую улыбку она просто выдумала. Здесь, в кофейне, он ее не пугал. Глаза его были внимательные, с морщинками возле уголков. Ему определенно не двадцать. Точно за тридцать. Похож на курильщика, хотя запаха не было. «Энергия курильщика» – она ее хорошо знала. У ее мамы был тяжелый случай.

Она не могла даже послать сообщение лучшей подруге Айше, у которой в этот раз с четверга по воскресенье был за городом выездной семинар-«отключка» по йоге. Талли раздумывала, не написать ли брату, Лионелу, – сказать «привет» и невзначай сообщить хоть кому-нибудь, где она, на всякий случай. Но она не могла рассказывать ему о *Мосте*. Он бы сильно рассердился. Говорил бы о ее очевидной по прошедшей неделе беспечности – она приехала к нему, припарковала машину на крутой подъездной дорожке и забыла поставить на ручной тормоз. Выйдя от брата, она увидела, что машина скатилась по дорожке вниз, в траву, едва не задев посаженных перед их домом деревьев. «Ты иногда так беспечна», – сказал тогда старший брат. Но Талли беспечной не была. Лионел, сам перфекционист до мозга костей, не давал никому права на малейшую ошибку. Нередко мать и брат говорили то, о чем можно было промолчать. Обидные вещи. В том числе из-за этого Талли и стала психо-

аналитиком – чтобы помогать людям быть добрее к себе и к другим. Чтобы сделать мир безопаснее, ласковее для всех.

Однажды, когда десятилетняя Талли мирно играла в своей комнате и мурлыкала песенку, мама назвала ее одинокой девочкой. Она этого не забыла. Зачем было говорить ребенку эта ужасную вещь? Вдруг кто-то когда-то назвал одиноким мальчиком *Мост*?

– Съешь чего-нибудь? Это пойдет тебе на пользу, – предложила она. У прилавка, поприветствовав бариста, она заказала два кофе. *Мост* изучал выпечку за стеклом. Не дождавшись ответа, она заказала два традиционных тыквенных пончика – они были последними. Она заплатила и пошла к специальной стойке с добавками, где налила себе в кофе соевого молока и положила темного сахара. *Мост* шел следом, они нашли столик. Сидели они в углу, рядом с колонной, обмотанной быстро мерцающими огнями, сияние которых смягчало очертания предметов и людей. Он снял куртку. Поблагодарил за кофе, за пончик.

Рубашка, кажется, не намочла. У него были красивые руки, широкие квадратные плечи. Светлая рыже-коричневая борода сочеталась с веснушками. Он пригладил мокрые волосы, убрал их со лба, закатал рукава рубашки. Она ждала, когда он примется за кофе. Как только он отопьет первый глоток, можно начинать. Это был сеанс терапии, знал он об этом или нет. И пусть рассчитывает на то, что она будет задавать много вопросов. Они познакомились при необычай-

ных обстоятельствах, и это их связывало. Он отпил кофе, отломил и съел кусочек пончика. Ел он аккуратно, стараясь, чтобы крошки оставались в тарелке.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она.

– Мне нужно принять лекарство, – прожевав и проглотив, сказал он.

Антидепрессанты? Так вот в чем дело. Химический баланс в мозгу нарушен, а лекарство его наладит. У нее были клиенты, переставшие пить лекарства, которые осознавали, насколько им необходимы выписанные препараты, лишь получив серьезный сигнал тревоги. Стал ли мост сигналом для *Моста*? Она может поехать с ним за препаратом, купить его.

– Где твои лекарства?

– В рюкзаке, – опустив взгляд к ногам, сказал он и продолжал есть. Она последовала его примеру и откусила пончик, полакомиться которым она позволяла себе лишь изредка, а сегодня, очевидно, был особый случай. Крошки прилипали к пальцам, она смахивала их на тарелку.

– Можно купить бутылку воды. И... э-э... тебе есть где остановиться? Как ты думаешь, тебе не нужно в больницу? Могу отвезти, – предложила она. Она могла кое-кому позволить. У нее были связи. Врачи, пожарный, живший раньше по соседству. Она могла бы собрать небольшой отряд спасателей. Ведь его нужно спасти!

– Антигистаминные таблетки. От аллергии, – отпив еще

кофе, пояснил он. Типа, «ну полно, тетя, зачем мне в больницу за лекарством от аллергии? Вы сходите с ума, но я в порядке. Пожалуйста, не сходите с ума, дайте спокойно допить темный напиток».

– Ну, я имею в виду, из-за моста. – «В больницу, потому что ты собирался сигануть в бездну. Вот почему».

– Это было тогда. Сейчас все иначе.

– И все же, думаю, важно это обсудить, тебе не кажется?

– Я не из этих мест. Моя семья из Клементины, – сказал он. Талли слышала о таком, знала, что это был городок в юго-восточном Кентукки, примерно в трех часах езды.

– Ты наполовину темнокожий? Не думаю, что в Клементине много таких, как мы, – подавшись вперед, сказала Талли. Она никогда раньше не видела таких лиц, как у *Моста*. В нем было намешено много всего: густые, как у Кеннеди, русые с рыжиной волосы.

– Бабушка была темнокожей. И да, ты права. Нас там немного, – согласился он.

Ее порадовало, что он сообщил ей что-то о семье, и нравилось, как он дул на кофе и на его поверхности появлялась рябь. Нравилось смотреть, как он доедает пончик. В голове роились мысли. Меньше часа назад этот человек хотел умереть, а теперь сидит напротив и проявляет осторожность, чтобы рот не обжечь. Казалось, он с еще более нарочитой мягкостью поблагодарил ее еще раз. Его кулон выбился на поверхность майки – блестящий золотой крест.

– Может, позвоним твоим? – спросила она, достав из кармана мобильник и положив его на стол между ними, хотя и не рассчитывала на согласие. Чтобы он продолжал говорить, ей придется рассказать о себе.

– Моя семья из этих мест и из Теннесси. Некоторые из Алабамы. Как у тебя отношения с родными?

– Не люблю такое, – сказал он.

– А что любишь?

– Светские беседы не люблю.

– Я тоже. Поэтому и спрашиваю о важном. Чтобы мы не теряли времени, – сказала она.

Уголок рта поднялся и дрогнул.

– Люблю эту песню, – сказал он. В кофейне негромко играли композицию *Knives Out* группы *Radiohead*.

– Я тоже. Она меланхоличная, странная, – сказала Талли. «Участие. Эмпатия». Обычно это срабатывало, люди раскрывались, как цветы. – Это твоя... мм... первая суицидальная попытка?

– Не знаю, что это было. Но сейчас мне вроде лучше. Трудно сказать.

Лучше? Так быстро? Она не верила.

– Я в туалет. – Он встал, взял с пола рюкзак.

– О'кей, – кивнула она.

Когда он оказался за закрытой дверью туалета, она пересела на его стул и принялась рыться в карманах. Чек от покупки куртки. Купил ее в то же утро. Что это за человек,

который утром идет покупать куртку, в которой хочет умереть? Талли подняла глаза, чтобы удостовериться, что дверь туалета по-прежнему закрыта. Пока тихо. Она нервничала и была возбуждена, под действием адреналина сердце билось, как у зайца, руки дрожали. Во внутреннем кармане она обнаружила сложенный листок – записка? Времени посмотреть не было. Она переложила его себе в карман и, снова взглянув на дверь туалета, засунула руку обратно. Опять листок. Еще одна записка? Она взяла и ее. Он не мог не заметить пропажи обоих листков, но с этим она разберется позже, когда сможет в одиночку их прочитать. Может, в них ничего такого и нет. Она пересела на свое место, отпила еще кофе. Не прошло и пары минут, как он вернулся со своим рюкзаком и сел напротив.

– Да, мне определенно лучше, – сказал он. – Я умыл лицо холодной водой.

– В принципе, у тебя на лице уже была холодная вода – дождевая.

– Наверное, ты права.

Среди быстро мерцающих желто-оранжевых лампочек *Мост* морочил ей голову. Чуть было не решился на самоубийство, а теперь ведет себя так, будто все это пустяки? Она злилась на него, чувствовала, что их что-то связывает. От этой мысли было неловко. У нее вошло в привычку быстро устанавливать глубокие связи с людьми, с которыми она была едва знакома. До появления навигаторов, ука-

зав кому-нибудь дорогу, она переживала, добрались ли они до своего пункта назначения, или в общественном транспорте большого города не могла удержаться, чтобы не спросить плачущего человека, все ли у него в порядке, даже когда все остальные твердо решили не заговаривать с этим человеком и не смотреть на него. Время от времени к ней сильно привязывались клиенты: посылали мейлы и звонили поздно вечером, хотели познакомиться ее с родными. Она напоминала им, что четкие границы важны для всех, хотя и не признавалась, как тяжело ей было прислушиваться к собственным советам.

Сразу после развода Талли немного зациклилась на новой жене Джоэла, и дошло даже до того, что она жутко переживала за нее, увидев в соцсетях, что та попала в небольшую автомобильную аварию. Талли без конца проверяла, все ли с ней в порядке, читала и перечитывала ее страничку, хотя та никогда не размещала ничего слишком уж тяжелого или личного. Рыская по ее страничке, Талли в общих чертах узнала о ее жизни. Зациклившись на всем этом, Талли чувствовала себя сумасшедшей. И даже более того. Когда все это началось, она была будто в замкнутом круге, из которой нельзя было вырваться, будто без остановки вращала обруч.

– Хорошая у тебя куртка. Похоже, новая, – убрав с лица волосы, заметила Талли. Она понимала, что выглядит ужасно, но еще не решила, волнует ее это или нет. С одной стороны, ей хотелось пойти в туалет, привести волосы в порядок,

нанести на губы персиково-розовый блеск, пощипать щеки, но на прихорашивание времени сейчас не было, уж точно пока она пытается докопаться до сути происходящего. Разобраться, помочь и возлюбить ближнего, как самого себя.

– Сегодня утром купил, – сказал он. Чек был из огромного магазина туристических товаров *Brantley's*. Стоила эта дождевая куртка цвета авокадо ровно восемьдесят долларов. Он заплатил за нее наличными в 9:37 утра.

– Ты купил новую куртку, зная, что хочешь спрыгнуть с моста? – неожиданно для себя спросила она. Она могла и, наверное, должна была сформулировать вопрос иначе или вообще оставить эту тему. Она не хотела его обидеть, но его, оказалось, обидеть не так легко. Если бы он встретился ей в любой другой день, она бы прокомментировала его способность сохранять спокойствие – казалось, он никогда ни о чем не волновался. Просто сидел в забегаловке за чашечкой кофе. В обычной байковой рубашке в крупную красно-черную клетку, вполне подходящей для сбора яблок, новая куртка висела на спинке стула, ботинки намокли, но высохнут. Все в конце концов высыхает. Все хорошо. Расслабиться. Расправить плечи.

– Куртку я купил утром. На мосту – что было, то и было. А это – здесь и сейчас, – сказал он так, будто другого ответа и быть не могло. Его миролюбивый вид успокаивал ее, ей хотелось сохранить это чувство, накрыть его стаканчиком.

– Итак, твоя семья из Клементины, а сам ты – нет?

– Я там родился.

– А с семьей совсем не общаешься? Нет желания с ними поговорить?

– Сейчас – нет.

– О'кей. Можно, спрошу, сколько тебе лет?

– Можно, я спрошу, сколько лет тебе? – Он поднял бровь.

– О'кей. Не хочешь говорить. Тогда скажи: хочешь еще кофе? Могу заказать тебе добавку, я тоже выпью, – предложила она, взяв его стаканчик, где оставалась еще половина кофе.

– Конечно. Спасибо.

Оказавшись у прилавка, спиной к нему, она пощупала свой карман, удостоверившись, что листки из его куртки были на месте. Она наполнила стаканчики, совершила ритуальные действия у стойки с добавками, отдала ему кофе. Без молока. Ее прежнее беспокойство улетучилось, ей хотелось сложить ладони рупором и сказать «вернись» на беспокойный кораблик, потому что так было правильно. Ей «следовало» беспокоиться. Неужели она «настолько» одинока? У нее приличная работа, хороший дом, кошки, родители, брат с невесткой и куча родных и друзей в списке контактов. У нее Айша и шкаф с продуктами – от этого ей было лучше и спокойнее за мир. Когда ушло беспокойство, она ощутила себя безрассудной, и от этого чувства безрассудство только росло, приводя ее к самому страшному, самому захватывающему – к ощущению свободы.

– Мне сорок, – сев напротив, сказала она.

– Мне тридцать один, – сказал он. Долой еще одну одежду.

Талли под столом теребила в кармане сложенные листки, ею завладело чувство вины за то, что стащила их. Нужно вернуть их, это не ее дело.

– Ух, какой молодой! – сказала она. Жизнерадостно сказала. Пусть ему передается. Она исходила желанием познакомиться с ним ближе, распутать то, чем там так туго стянуто его сердце. *Мост* был ей небезразличен. Как бы там ни было, ему есть ради чего жить. Пусть разобщенная, но у него в Клементине семья. Сам он показался ей умным и интересным. Она из кожи вон лезла, чтобы каждому обеспечить кредит доверия.

– Чувствую себя старым, – сказал он.

– Я тоже иногда.

– Зачем ты меня остановила? – спросил он. В глазах неизбывная печаль. Как будто на них упала тень. Молящие глаза. Как у Христа в терновом венце на картине, написанной маслом.

– Ты мне не безразличен. Я не хочу, чтобы ты умер. Я... так рада, что ты не прыгнул.

Он снял со стаканчика крышку, подул на кофе. Отпил, поставил стаканчик, взглянул на нее.

– Ну от тебя было столько шума, я, черт возьми, думать не мог.

Это было так неожиданно, что Талли залилась румянцем

и рассмеялась, закрыв лицо руками. Вуаля! Она знала, что препятствия на пути к самоубийству иногда и есть то, что отделяет жизнь от смерти. Она читала о том, как резко упал уровень самоубийств в Великобритании в результате простой замены в домашних плитах коксового газа на природный, так как нередко самоубийство сводится к вопросу доступности. Она порадовалась, что «шумела», черт возьми, не зря – сработало. Она припомнила свой благонамеренный, но задуманный наспех сеанс терапии, затрапезные методы спасения и чуть не поперхнулась.

– Осторожнее, а то все расплескаешь, – сказал он. Почувствовав, что успокоилась, она сквозь растопыренные пальцы посмотрела на него – он как ни в чем не бывало пил кофе, будто ничего не говорил.

– Не собираюсь извиняться за то, что тебя остановила, – отсмеявшись, сказала Талли.

– Я извинений не прошу.

– Вот и хорошо.

– Что ты теперь будешь делать? – чуть помолчав, спросил он и, тяжело вздохнув, всем весом привалился к находившейся сбоку стене. «Случайный самоубийца». Незнакомец, чужой человек. Все в нем почему-то казалось одновременно и новым, и знакомым, если сопоставлять с мужчинами в ее жизни. У *Моста* были небольшие уши, как у отца и ее университетского парня, Нико. Все трое – *Мост*, Джоэл и Нико – имели красивые руки. *Мост* больше других по-

ходил на сказочного дровосека из дремучих лесов, который заблудился и оказался в большом городе. А низким бархатистым тембром голоса он напоминал ей брата.

– Что мы будем делать? – переспросила она. Кораблик беспокойства уплывал все дальше и дальше. Счастливого пути. Его не увидишь, сколько ни прищуривайся.

* * *

Они ехали к ней домой. В машине он больше молчал, лишь отвечал на ее вопросы.

– Итак, у тебя есть дом, квартира?

– Был. Больше нет, если честно, – сказал он.

– И тебе негде жить?

– Я этого не говорил. Только сказал, что у меня нет ни дома, ни квартиры.

– А машина есть?

– Не здесь. Не в этом городе, – сказал он.

– Как же ты передвигаешься?

– Нормально передвигаюсь. – Он сидел и смотрел на нее, держа на коленях рюкзак. Придерживал его сверху. Страх живо вернулся к Талли, когда она взглянула на тот рюкзак. Вот где у него могут лежать орудия пыток: веревки, пистолет, ножи. *Knives Out*. Для кофейни слишком уж леденящая кровь песенка. Припев все еще крутился у Талли в голове.

На улице совсем стемнело и все еще шел дождь, хотя

и не такой сильный, как раньше. В субботу Хеллоуин. Что она себе думает? В закрытой машине, на пассажирском сиденье незнакомец, она везет его к себе? Идеальная завязка для фильма ужасов ей удалась, а когда они доберутся до дома, он вытащит из рюкзака то, что бы там у него ни лежало, прибьет ее и спрячет где-нибудь так, чтобы никто никогда не нашел. Родители и брат будут по телевизору умолять ее вернуться. Пройдут годы, и брат напишет об этом книгу. Она станет бестселлером, кто-то приобретет права на экранизацию. Какой-нибудь парнишка из этих тинейджерских фильмов о вампирах сыграет *Моста*. И получит «Оскар». Брат станет очень востребованным сценаристом и уйдет из семьи, начав встречаться с молоденькой актрисой из того же фильма о вампирах.

Все это должно было помешать ей привезти *Моста* к себе домой, но не помешало. Она никогда не совершала таких поступков и теперь погрузилась в эту энергию хаоса, с нетерпением ожидая, что ждет по ту сторону. Мир разевал свою широкую пасть! Происходило что-то совершенно ей неподконтрольное. Талли выдали ключ от клетки со львом, она была внутри и трепала хищника по заливку. Глядя прямо в его светлые янтарные глаза.

Мост

(Едем сквозь дождь. В салоне у нее чисто, радио выключено. Машин немного, но Талли, даже когда зеленый, смотрит налево и направо.)

– Так... а хобби у тебя есть? – спросила она.

– Это уже смахивает на светскую беседу.

– И то правда. Хорошо, давай о важном... после развода мне было очень грустно и я не знала, что делать. Мой мир рухнул, было такое ощущение, что и меня из него просто вымарали. Не могла ни на чем сосредоточиться.

– А теперь тебе лучше?

– В целом да.

(Красная пожарная машина пронзительно воеет, нарушая спокойствие. Талли останавливается у обочины. Ее рука замерла на переключателе скоростей. Она еще раз бросает взгляд в зеркало заднего вида, наклоняясь ближе к бушующему урагану на пассажирском сиденье.)

Талли

Когда строился дом Талли, район Фокс-Коммонс⁷ был совсем новым. Это был населенный пункт многоцелевого использования, непохожий на другие районы Луисвилла. Большинство жителей, вернувшись с работы, пересаживались со своих дорогих автомобилей на машинки для гольфа, на которых возили детей на пришкольные игровые площадки, на закатные прогулки, к фонтану на площади, к арене, с которой открывался вид на озеро для рыбалки. Здесь был общественный бассейн, несколько теннисных кортов, две художественные галереи и здание, где были только врачебные кабинеты: там принимали дерматологи, неврологи, аллергологи, педиатры, терапевты, пластические хирурги. Жители могли выбирать между ресторанами высокой кухни с обилием уличных сидячих мест – среди них любимая трагтория Талли – тайская лапша, суши, пицца – и американское бистро с лучшими в городе гамбургерами. Была здесь кондитерская в пастельных тонах, где из местного молока делали джелато, и ирландский паб, освещенный таким количеством лаймово-зеленых лампочек, что каждый входящий превращался в зеленокожую Эльфабу из мюзикла «Злая»⁸. Были

⁷ От *Fox Commons* – «Лисья пустошь» (англ.).

⁸ Мюзикл «Злая» (*Wicked*) основан на книге Грегори Магвайера «Злая: Жизнь и приключения Злой Западной Ведьмы», которая также появляется в фильме

разработаны планы двух гостиниц: гигантского отеля и бутик-отеля. Недавно парой комично больших ножниц перерезали ленту на торжественной церемонии открытия многоквартирных домов, стоявших шестью аккуратными бежевыми рядами. Лионел был одним из инвесторов и вместе с женой Зорой присутствовал на церемонии, а потом они заехали к Талли выпить мелкосерийного бурбона и отведать домашнего пирога с вареньем по рецепту из Кентукки.

На ступенях, ведущих к крыльцу из белого кирпича, были расставлены тыквы – оранжевые и несколько подсиненных, как обезжиренное молоко. На широкой входной двери желтого цвета висел пышный венок из оранжевых, красных, желтых и коричневых листьев. На одном из плетеных стульев лежала подушка, обтянутая полотном в горошек со словом «ФОКУС». На другом – подушка со словом «ПОКУС». На дверном коврикe черным по жесткой щетине соломенного цвета красовалось размашистое «ПРИВЕТ».

– Э-э, могу ужин приготовить. Ты голоден? – когда они оказались внутри, спросила она.

Порядок в доме был идеальный, потому что накануне она вытерла везде пыль, подмела полы, выбила на улице ковры. Может, это гормоны? Перименопауза? Ей хотелось свить гнездо, и она решила привезти домой *Моста*, будто кота-спасеныша.

Обычно ее две кошки с новыми людьми были пугливы,

но *Мост* вызвал у них любопытство, и они с поднятыми закрученными хвостами лениво прогуливались по гостиной.

– Мармеладного котика зовут Джим, а черную кошечку – Пэм, – объяснила она.

– Как в «Офисе»?⁹

– Именно.

За то короткое время, что они провели вместе, у них уже вошло в привычку перебрасываться вопросами и ответами, как в пинг-понге. Она что-то спросит, он никак не отреагирует, но ответит три вопроса спустя, причем оба будут прекрасно помнить, на чем они остановились. Он легко вызывал симпатию. Рюкзак он положил себе в ноги, куртку снял. Талли взяла ее и повесила на крючок в прачечной, чтобы стекала.

– Могу помочь с ужином. Я бы поел, – садясь на диван, сказал он.

– Отлично! Так мы и сделаем. – Она прошла к себе в спальню и принесла оттуда сухую одежду. – Надень вот это, – предложила она, протягивая ему вещи. – А я пойду к себе и тоже переоденусь. Потом займемся ужином.

Талли заперла за собой дверь спальни и приложила ухо, прислушалась: что он там делает? Что она ждала услышать? Хоть что-нибудь. Она опустилась на пол и достала из кармана листки. Развернула первый. Написано было обычным

⁹ The Office – американский ситком, созданный на основе одноименного популярного сериала канала BBC.

мужским почерком: мелкие печатные буквы, почти курсив. Она поискала внизу подпись. Ее не было. Но было обращение, имя.

Кристина.

Моя дорогая светлая Кристина, моя любовь, моя жизнь. Вокруг стемнело, когда ты ушла. Люблю тебя всем сердцем. Без тебя я разбит и пуст. Что еще мне остается делать? Скучаю по тебе. Скучаю по тебе. Скучаю по тебе. Скучаю по тебе. Прости меня за все. Пожалуйста, не злись на меня. Я тебя люблю.

Я тебя люблю

так

сильно

Боже.

Проклятие.

Кристина.

Талли снова приложила ухо к двери, прислушалась. Ничего. Она сложила листок, развернула другой. Подписи нет. Сверху имя.

Бренна, солнышко. Теперь темнота.

Пожалуйста, не злись на меня.

Я люблю тебя

так

сильно

Я

Письмо было не дописано. Она достала мобильник и забила в Гугл «Кристина и Клементина, Кентукки», заранее

зная, что ничего полезного без дополнительной информации не найдет. Она забила «Бренна и Клементина, Кентукки», и снова ничего. Попробовала два имени сразу. Бесплезно. Заглянула в список «Особо опасные преступники Клементины», нет ли там похожих на него. Их не было. Она расширила поиск до «Особо опасных преступников Луисвилла», «Особо опасных преступников Кентукки», «Особо опасных преступников Америки». Пролистала, щурясь и пытаясь кого-нибудь узнать. К счастью, не узнала.

У самой Талли не было ярко выраженного присутствия в интернете – лишь редко обновляемая, в основном частная страничка в Фейсбуке¹⁰ и ничего такого, что могло бы привязать ее к ее практике психоаналитика. На веб-сайте практики она значилась как мисс Т. Л. Кларк, как и всегда, до и после развода. Она не взяла фамилии Джоэла, вполне довольствуясь своей собственной. Если *Мост* попытается навести о ней справки, то ничего не найдет.

Если бы он был ее реальным клиентом, от нее не требовалось бы куда-то заявлять о его попытке самоубийства. Если бы он был ее реальным клиентом, она бы вела записи. Если бы время, что они провели вместе, было частью официального приема:

Имя клиента: Фамилии нет, Мост

Возраст: 31

¹⁰ Деятельность социальной сети Facebook запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности. (*Здесь и далее.*)

Мост легко устанавливает зрительный контакт. По природе спокойный? Улыбнулся один раз, возможно, два. Тревожность? Суицидальное мышление. Тип депрессивный. Суицидальная попытка, возможно, первая и, возможно, спонтанная. Мост остроумный и очаровательный. На вид здоров, уравновешен (несмотря на попытку) и вдумчив. Жестикуляция и мимика непринужденные, аппетит нормальный.

Лекарства: антигистаминные препараты.

Бонус: кошкам он нравится.

Препятствия к лечению: не открывает своего имени. Кажется, не считает свою суицидальную попытку чем-то серьезным. Кроме того... согласия на лечение не давал.

Родные/друзья (?): Кристина и/или Бренна?

Цели клиента:??

Талли положила оба листка в верхний ящик, под кружевное черное белье, которое ей не приходило в голову надеть с тех пор, как от нее ушел Джоэл. Она переделалась в рубашку с длинным рукавом с рычащим талисманом ее альма-матер на груди и черные легинсы. Она сходила в туалет, пригладила волосы, нанесла на губы бесцветный блеск и посмотрелась в зеркало. Когда она вошла в гостиную, *Мост*, переодетый в сухое, сидел на том же месте, будто вещи, которые она ему дала, оказались на нем сами, как по волшебству. Кошки, урча, лежали у него на руках.

– Ну что, поможешь мне на кухне? Ты все ешь? – спросила она. Она проголодалась, он тоже. Просто два человека, которым надо было поесть. Всем надо питаться. Ничего такого, если они поедят вместе. Джоэл почти никогда не готовил и был разборчив в еде, по настроению. Ей вспомнилась его фотография в соцсетях, где он управлялся с грилем и выглядел как дурак.

– Мне нравится готовить, и ем я все, – сказал *Мост*, осторожно беря каждую кошку и по очереди укладывая на диван. Талли нагнулась, чтобы поднять мокрую одежду, аккуратно сложенную у его ног. – Не трудись...

– Ни слова больше. Я все постираю, и точка, – сказала она, забирая вещи. Она пошла в прачечную и запустила стирку. – И даже несмотря на то, что нам сейчас предстоит делить хлеб, ты не скажешь мне, как тебя зовут? – спросила она, снова оказавшись перед ним. Далась ему эта загадочность. Интересно, как долго он протянет.

– Меня зовут Эмметт, – сказал он. Легко сказал, как будто ей только и нужно было, что попросить по-доброму еще один раз.

Имя клиента: Фамилии нет, Эмметт.

– Ладно, Эмметт. Пошли на кухню.

Эмметт

Эмметт мог пойти на мост и после ужина. Раньше он задумывался, прекратятся ли когда-нибудь его страдания, но они не прекращались – значит, мост его последняя надежда? Его единственная надежда? Смерть и надежда, крепко сцепившись, вели борьбу. Оставалось ли ему еще что-то, помимо моста?

Когда в кафе он пошел в туалет, он незаметно выглянул в зал и видел, как Талли осмотрела его куртку и взяла письма. Решила поиграть в следователя, так как, наверное, за поем смотрела «Закон и порядок: Специальный корпус»¹¹, а кошки устраивались у нее на руках. Наверное, боготворила Оливию Бенсон¹².

Талли выдала ему белую футболку, серые спортивные штаны и фуфайку. Что осталось от бывшего мужа. Он полез в рюкзак, достал таблетки и принял их, запрокинув голову назад и запив пригоршней воды. Смысла принимать лекарство не было, ну и что? Талли ему напомнила, она так хорошо к нему отнеслась.

¹¹ Law and Order: SVU – американский криминальный телесериал, спин-офф сериала «Закон и порядок» (*Law and Order*).

¹² Персонаж названного выше американского телесериала, которая из-за сострадания к жертвам преступлений часто не умеет объективно оценивать ситуацию и сохранять беспристрастность во время расследования.

Перед тем как перелезть через ограду, он, стоя на мосту, сосчитал машины.

(Семь мини-фургонов. Пять грузовых малолитражек. Четыре грузовика. Пятнадцать легковушек. Один мотоцикл, один велосипед. Вдали один человек в капюшоне, уходит прочь. Мост освещен фонарями, один из них мерцает. Одна из машин сигналит. Кто-то в стиле граффити нарисовал на стальной стене неоновно-желтый член и приклеил рядом лозунг для бампера «Аборт прерывает стук сердца».)

И вот настало время готовить ужин. Ужин с Талли. С Таллулой Кларк. С незнакомкой. Раньше он не встречал никого с именем Таллула и ждал, что она будет вести себя не так, как люди, с которыми он был знаком, – так оно и было. Она задавала много вопросов и улыбалась ему, как будто он не стоял только что на мосту, желая прыгнуть, желая унять шум, желая как-то со всем этим покончить.

Мост будет его ждать на прежнем месте, с распростертыми объятиями. Резервировать время не надо. Он выбрал этот день по определенной причине, но можно и отложить, даже на завтра. Значения не имеет. Ничего значения не имеет. Он хотел, чтобы имело. Хотел, чтобы все имело значение, но напрасно. Горе распахнуло в его сердце дверь, о которой он не знал, а теперь она захлопнулась у него за спиной. Уже три года, как он на той стороне. Слишком долго. Заперт без пути к бегству, связан по рукам и ногам и пригвожден к месту темнотой, которая не отпускает. Прыжок с моста давал воз-

возможность взмыть вверх перед свободным падением. Когда он перелезал через ограду, ему было холодно, мокро и одиноко. Талли явилась с теплом. И теперь именно Талли достала из холодильника баклажан, а из коробки на стойке – горсть помидоров «кампари».

(Зеленый графинчик с оливковым маслом, высокая коричневая перцемолка, белая керамическая солонка с выпуклой надписью SEL заглавными буквами. Темные и светлые деревянные ложки в пузатой банке Мейсона. Вьющееся растение, висящее на потолочном крюке. Небольшая вмятина в полу перед раковиной – маленькое углубление, куда можно засунуть большой палец ноги.)

– Пасту же все любят, правда? Такая еда утешает, – сказала она.

– Я пасту люблю.

– Резать возьмешься?

– У тебя на кухне незнакомый мужчина, и ты хочешь дать ему нож? – спросил он. Не мог не спросить. Что здесь происходило?

– Я считываю твою энергетику с той минуты, как остановила машину, и пока до конца не могу убедить себя, что в тебе энергия насилия. Пытаюсь ее почувствовать, но не могу. Пыталась силой себя заставить ощутить ее, но не могу. Ты представляешься мне котенком, вот честно, – призналась она.

Кристина говорила то же самое. Не про котенка – он пока

не знал, как относиться к этой части, – а про то, что у него был кроткий нрав. И он полагал, что она из-за этого в нем разочаровалась. Из-за мрачных позывных альфа-самца, которых он не передавал, хотя должен был. Как будто он представлял собой какой-то феномен, который не фиксировался погодным радаром и сбивал ее с толку. Замечания такого рода, исходящие от женщин, казались ему критическими, зато хиппи-замечание Талли про энергетику его заинтриговало.

– Считаешь мою энергетику? – переспросил он.

Она указала на нож, он взял его и принялся резать лук, а она тем временем налила в большую кастрюлю воды, посолила ее и полезла в шкаф за коробкой макарон ригатони.

– Это у меня дар такой. Люди с энергией насилия выделяют некую темно-зеленую дымку. Горькую на вкус. Я это чувствую. А у тебя куртка и рюкзак... темно-зеленые, но они не совпадают с твоей энергией. Энергия у тебя как... лиловая пуховка для пудры, – стоя в позе фламинго и опираясь на кухонную стойку, заключила она.

– И этот энергетический радар такой мощный... что ты спокойно даешь нож человеку с суицидальными мыслями.

– Очевидно, да.

Они молча смотрели друг на друга. От лука у нее защипало глаза. Она достала из ящика чайную свечку, зажгла ее, поставила для него на стойку.

(Широкий ящик, в котором лежат чайные свечи и ручки, карандаши, катушка золотых ниток с торчащей из нее иг-

лой, рулон липкой ленты, колода карт, аккуратная стопка ярких клейких закладок. Цвет кухонной стойки зеленова-то-бежевый. В углу, у стены за раковиной цвета тумана: хрустальная чаша с мелочью, желтые серьги и две закры-тые английские булавки.)

– Свечка без аромата. Глазам будет легче. Вообще-то надо было ее зажечь до того, как ты начал резать, но какая, к чер-ту, разница? – сказала она и рассмеялась.

– А что, создает настроение, – сказал Эмметт. Взглянув на пламя, он продолжал резать.

– Зачту себе как маленькое достижение!

– Итак... лиловая пуховка, – сказал он и кивнул.

– Точно говорю, – подтвердила она.

– Какого цвета энергия бывшего мужа?

– Малинового.

– Малинового, – повторил он.

Он бы сказал, что хочет после ужина прогуляться, про-ветриться. Он мог бы пойти на мост и спрыгнуть ночью. Так у человека, умеющего считывать цвета энергии, было бы меньше шансов увидеть его и остановить. Последняя трапе-за: ригатони алла норма¹³. Он сдвинул лук на одну сторону разделочной доски и вымыл баклажан под струей воды. По-резал его.

– Ты хорошо управляешься с ножом, – сказала она. – Мне

¹³ Паста алла норма – традиционное блюдо сицилийской кухни из макаронных изделий с баклажанами, томатами, базиликом и сыром.

ни разу в жизни не удалось порезать лук так быстро и так красиво.

– Не возражаешь, если я выпью бокал вина? – попросил он.

– Ну... тебе, наверное, не стоит – ведь ты до этого не очень хорошо себя чувствовал.

– Спасибо за заботу. Я ее очень ценю. Но думаю, это поможет мне расслабиться, честно.

– А у тебя никогда не было проблем с алкоголем? Прости, но считаю своим долгом спросить.

– Понимаю. Нет, не было. Даю слово.

– Ну, наверное, можно понемножку, – сказала она, доставая бутылку красного.

– Как долго вы были женаты? – спросил он.

– Почти десять с половиной лет.

– А сколько в разводе?

– Почти год.

Эмметт поблагодарил ее, когда она разлила вино в два бокала и поставила один перед ним. Из шкафа у плиты она достала большую сковороду и включила конфорку, соседнюю с кастрюлей воды для пасты. Он продолжал резать, она налила в сковороду оливкового масла. Он прервался, глотнул вина. Вина он давно не пил, и оно будто лентой скользило в рот, в горло и дальше.

– Вы с мужем жили в этом доме? – спросил он.

– Да. Но он мой. До мужа я жила здесь одна. Он переехал

сюда, когда мы поженились... и потом переехал отсюда.

– Вполне обычное дело, – заметил он.

– Наверное, надо посолить баклажан, чтобы снять горечь, – предложила она.

– Не надо. Баклажан очень редко так уж сильно горчит, чтобы нужно было солью обрабатывать.

– Договорились. Поверю тебе на слово.

– Тебе нравится жить одной? Страшно не бывает? – закончив резать, спросил он.

(У плиты набор ножей с подставкой. Одно широкое окно с белыми занавесками в кухне, другое – на двери, ведущей на веранду. Сквозь него пробивается горящий там свет. Большое арочное окно в гостиной, сквозь него светит уличный фонарь.)

Сковорода с оливковым маслом нагрелась в ожидании. Он ножом сбросил в нее нарезанный кубиками баклажан и лук. Они забурлили, зашипели.

– О'кей, теперь помидоры, – сказала она, протягивая руку за ножом. Он развернул его ручкой в ее сторону и неторопливо передал ей. – У меня есть пистолет. И система безопасности, – добавила она.

– И эти две свирепые воинственные кошки, – сказал он, глядя, как те трутся о его ноги. Он старался много не двигаться, чтобы не испугать их. Пил вино, опершись о стойку.

Встретившись с Талли взглядом, он думал, что может к утру умереть, если захочет. Интересно, ей это заметно?

Это будет нетрудно.

Один.

Два.

Три.

– Вот именно, – согласилась она и, пока он следил за плитой, начала резать помидоры. Он увеличил огонь под кастрюлей с водой, добавил много морской соли, накрыл крышкой.

– Женщине неплохо иметь пистолет, – заметил он. – И теперь я должен спросить тебя: ты несешь энергию насилия? Можешь свою энергию считать? Я в этом не разбираюсь.

– Про это придется спросить бывшего мужа, – сказала она.

– А-а.

– Некоторых мужчин я боюсь, но не тебя.

– Потому что я лиловый пуховый котенок, – заключил он.

Она указала на него ножом.

– Эмметт как там тебя. Как твоя фамилия?

– Просто Эмметт. Как Боно¹⁴.

– О'кей.

– Ты отнеслась ко мне очень по-доброму. Немногие поступили бы так же, как ты. Я это понимаю, – сказал он.

Овощи продолжали шипеть, тем временем закипела вода для пасты. Он открыл коробку с ригатони и со стуком засыпал их в воду. Талли уже порезала помидоры и пила свое

¹⁴ Пол Дэвид Хьюсон – основной вокалист рок-группы U2, известный под псевдонимом Боно.

красное вино, глядя на него так, будто и вправду могла считать его цвета. Его мысли.

* * *

Они съели свой ужин с пармезаном и моцареллой, запивая вином, и, покончив с едой, уселись на диван. Он с одного края, она – с другого. Она подобрала под себя ноги и включила телевизор, найдя канал, транслировавший Мировую серию по бейсболу. Его успокаивало то, что вопросы не переводились. И их беседа уже не напоминала светскую.

Какой у тебя любимый фильм? Есть ли у тебя любимое место из тех, где ты бывал? А любимая книга? Какая еще музыка тебе нравится? Если ты не говоришь мне свою фамилию, то хотя бы скажи второе имя?

Ее второе имя было Ли. Таллула Ли Кларк. ТЛК¹⁵. Он сказал, что его второе имя Аарон, а любимые фильмы «Назад в будущее» и «Пустоши», но не сказал, как сильно Сисси Спейсек напоминала ему маму. Его любимым местом, помимо Кентукки, был Париж. Слишком много любимых книг, чтобы выбрать самую любимую. Помимо *Radiohead*, ему нравилась и другая музыка. Фрэнк Оушен, Стерджилл Симпсон, Соланж, Джон Прайн, *OutKast*, *Alabama Shakes*, *A Tribe Called Quest*, *The Roots*, *Free*.

¹⁵ TLC (tender loving care) – внимание и забота, тепло и ласка.

Музыку Эмметт теперь слушал редко. Уже год как не читал книг. Не помнил, когда в последний раз смотрел кино.

– Твоя очередь, – сказал Эмметт. Она убавила громкость телевизора, но он все равно слышал приглушенную речь. В крови играло вино – вымарывая память, оно давало облегчение, как будто можно улететь, как воздушный шарик. Можно было чуть ли не принять это за ощущение счастья.

– Мне нравятся многие фильмы и мюзиклы. Весь Джеймс Бонд. «Поющие под дождем» и «Смешная девчонка»... вся эта классика... Я их миллион раз видела. Когда я была маленькая, смотрела вместе с мамой. Поэтому Калифорния – одно из моих любимых мест... ведь я так люблю старый Голливуд, – сказала она. Она продолжала рассказывать, упомянув, что была официальным членом Северо-американского общества Джейн Остин и что книги Остин были у нее среди любимых. Говорила про сериал «Чужестранка» и про то, что часто слушала простую, спокойную музыку и всякое «старье».

– А еще *Sade*, Пэтти Гриффин, Арету Франклин, Эллу Фицджеральд, Этти Джеймс, Бена Харпера, *Florence and the Machine*, *One Direction*...

– *One Direction*? Эти... мальчишки английские?

– Да, и не вздумай надо мной подтрунивать, потому что у меня есть кружка с Гарри Стайлсом¹⁶, которой я на законных основаниях могу воспользоваться как оружием. Од-

¹⁶ Член группы *One Direction*.

нозначно *One Direction*, был такой англо-ирландский бой-бэнд, – закатив глаза, сказала она. – И я не собираюсь оправдываться, что люблю солнечную, светлую музыку! В мире предостаточно темноты. Но я уже поняла, что, наверное, мне не стоит признаваться, как я люблю АВВА, по крайней мере, пока.

Эмметт вскинул руки, как бы сдаваясь, и рассмеялся. Нечаянно. Это из-за вина. Фальшивое счастье, подхватив его, поднимало все выше и выше. Он не мог сдержать улыбки, предавая темноту, царившую в душе. Он кивнул, продолжая пить вино. Он поставил себе целью опьянеть как можно сильнее, но чтобы не затошнило и чтобы не вырубиться. Еще пару бокалов, и цель будет достигнута. Ас команды «Янкис»¹⁷ неудачно подал мяч, и «Джайентс»¹⁸ заработали очко. Эмметт пошел в кухню и вернулся с согретой бутылкой, перед этим спросив у Талли разрешения. Она, поколебавшись, уступила.

Они продолжали пить вино. Шел дождь. Они все пили. Дождь усилился.

– Какого цвета эта моя энергия сейчас? – поинтересовался он. На слове «энергия» он запнулся, так как его кровь была вином. Комната была вином. Он, Талли и кошки, да и весь

¹⁷ «Нью-Йорк Янкис» – профессиональный бейсбольный клуб, базирующийся в Бронксе, штат Нью-Йорк.

¹⁸ «Сан-Франциско Джайентс» – профессиональный бейсбольный клуб, базирующийся в Сан-Франциско, Калифорния.

дом могли испариться, стать лужицей вина и утечь, ускользнуть в дождевой поток.

– Ой, а он не меняется. Ну обычно так. Ты по-прежнему лиловая пуховка, – сказала она. Он налил еще вина, сначала ей, потом себе.

– Ты ведь скажешь мне, если изменится? Обещаешь сказать? – попросил он.

Он не заигрывал с ней. Умышленно не заигрывал. Ему хотелось думать, что он преодолел сексуальное желание, ведь этот день мог быть его последним. Ему нравилось слушать, как дождь бьет по окнам – вот бы он никогда не кончался. Вода бы все поднималась и поднималась, подхватила бы их и, покачивая, унесла бы прочь. Поверхность Земли покрылась бы водой, и никто бы не возмутился. «Таковы условия нашей новой реальности», – сказали бы мировые лидеры. Или они могли утонуть, и все могли утонуть. И тогда ему не пришлось бы самому принимать решение – дождь бы все решил за него.

– Обещаю, – сказала она.

– Ведь у саморазрушительного суицидального человека вроде меня, – он ткнул себя в грудь, – энергия должна считываться как-то непредсказуемо и неровно. Ведь я – это что-то вроде радиостанции, которая плохо ловится? Не следует ли тебе сейчас сказать, что со мной не так?

«Джайентс» начислили еще очко. Если они вырвутся вперед и выиграют матч, он подождет с возвращением на мост.

А если он подождет... и «Джайентс» выиграют Мировую серию... тогда что? Его душа рвалась куда-то, голова гудела, как неоновая вывеска, пока он размышлял над своим прошлым, настоящим и будущим, которого не существовало. Все, что могло бы произойти. Как мог мир измениться в одно мгновение. Он пожил и чертовски устал. Разве он не может устать? После всего пережитого? Как бы то ни было, будущее ждало его, подобно аллигатору, раскрыв пасть и клацающая зубами. Ничего не случится, если подождет еще пару дней.

– Не нужно тебе, чтобы я сказала, что с тобой не так. Лучше скажи мне, что не так со мной, – попросила она.

Кошка прыгнула ей на колени и заурчала, когда Талли погладила ее по спине.

– С тобой все в порядке. А, погоди-ка... ты слишком доверчива, – сказал он.

– Это точно, – разводя руками, согласилась она. – Но в целом я не так уж сильно доверяю людям, как может показаться. Что касается тебя, я просто полагаюсь на интуицию, которая после развода стала работать намного лучше. Ей я доверяю больше всего. И если честно... У меня теперь такое правило: не бояться жить свою жизнь.

«Джайентс» снова выиграли очко, выровняв счет. Как и дождь, вот бы эта игра в пользу «Джайентс» никогда не кончалась.

– А бывшего мужа ты когда-нибудь боялась?

– А, старина Джоэл.

– Ты боялась Джоэла?

– Да нет. Насилия он никогда не проявлял, но временами впадал в мрачное настроение. Мне иногда кажется, что это сон, когда говорю об этом, потому что случилось все очень быстро. Я узнала... он переехал к ней... мы развелись. Они поженились, и у них родился ребенок, – сказала она и жестом изобразила, как у нее взрывается голова. – Мы об этом почти не говорили. Так много осталось несказанным, а теперь вроде уже поздно. И зачем? Обескураживает вот что: ты думаешь, что кого-то знаешь, а на самом деле – не знаешь совсем. Может, вообще нисколько не знаешь... но ты не об этом спросил. Правда, я до сих пор шпионю за ним в соцсетях, – закончила она, и ее последние слова прогремели, будто кто-то гулко протопал влажными ботинками. Она тоже куда-то рвалась, как и он. Они были как соприкоснувшиеся усиками пчелки. Стоял гул.

– Меня нет в соцсетях, – сказал он.

– И правильно. Мне и не нравится особо, но я там, чтобы подглядывать. Джоэл так и не поменял пароль, и я иногда захожу в его аккаунт.

– Что ты видишь?

– Все.

– И какие чувства у тебя это вызывает, когда на все это смотришь?

– Ты спрашиваешь, прямо как я у тебя.

– Это любопытно, когда ты рассказываешь, что шпио-

нишь за бывшим мужем в соцсетях, – поглаживая подбородок, сказал он.

Она улыбнулась и рассказала, что пыталась перестать шпионить за Джоэлом, но он настолько изменился за совсем короткое время, что ей вообще было трудно поверить, что они когда-то были вместе. «Джоэл из Монтаны» – так она его называла и произносила это таким тоном, будто Джоэл был новой особью, которую следовало систематизировать, пометить ярлыком и отслеживать.

– Как он может быть совершенно другим человеком? Отрастил длинные волосы, и теперь у него этот дурацкий хвостик, который я терпеть не могу. Стал отцом, и у них есть лошадь. Раньше он брюзжал по поводу моих кошек, а теперь у него лошадь? – сказала она, повысив голос. Гул.

– Он много потерял, – сказал он. Клише иногда были необходимы – временами больше сказать было просто нечего.

Куда Талли убрала письма? Он бросил взгляд на рюкзак, стоявший на полу у его ног, тронул его пальцем ноги. На нем были чистые сухие носки, которые она ему дала, – белые с тонкой золотой полосой у мыска. Замена питчера. Рекламная пауза.

– Я не единственная, с кем такое случилось... эти вещи происходят каждый день, я знаю. Но мне, наверное, нужно понять, как жить дальше. И я уже почти поняла, – сказала Талли. Она смотрела куда-то вдаль, как будто не вела разго-

вор, а была одна и впала в глубокую задумчивость.

– Что тебе нужно, чтобы жить дальше, не оглядываясь назад?

– Еще немного времени, – сказала она и ненадолго замолчала, – и было бы неплохо, если бы Джоэл признал, что моей вины во всем этом нет и что я не могла бы ничего предпринять, чтобы не дать этому случиться. Мне бы особенно хотелось услышать, что он в конечном итоге ушел не из-за пережитого стресса в связи с процедурами искусственного оплодотворения, – после паузы сказала она и осеклась. Эмметт ничего не говорил, только слушал. – В душе я это знаю и понимаю, что не могу контролировать действия других, но мне было бы приятно от него это услышать. Однако ему я об этом никогда не скажу, так что...

– Вдруг когда-нибудь ты ему все-таки скажешь? Завтра настанет новый день, – расправив плечи, сказал Эмметт. Всей душой желая верить своей выдумке.

– Для тебя тоже, – сказала она.

– Наверное.

– Тебе лучше?

– Наверное, – повторил он, вылил остатки вина «теперь это моя кровь» себе в стакан и, забыв о времени, смотрел на него.

– Эмметт, ты не возражаешь остаться здесь на ночь? – Голос говорил сам, помимо ее воли, нарушая глубокое забытье его души.

– Только... если ты совершенно уверена, что это нормально. Вообще-то мне здесь нравится.

– Ты предпочитаешь спать на диване или в гостевой комнате? Прости, что, как положено, не показала тебе дом. – Она встала и показала рукой, где находятся комнаты, отмечая одну за другой. – Прачечная, моя спальня, гостевая спальня, кабинет. И санузел в коридоре – для тебя. У меня в спальне свой.

– Лучше на диване. И спасибо, – сказал он.

Талли исчезла в коридоре. Эмметт слышал, как открылась дверь, шелест ткани по дереву. Она вернулась с тремя одеялами толстой вязки: фиолетовым, коричневым и серым. Положила их на диван и пошла опять к шкафу, откуда вернулась с подушкой.

– Я их вяжу сама, – коснувшись одеял, пояснила она. – Вязание успокаивает. У меня всегда в работе проект. – Из корзины под диваном она достала большой моток ниток, к которому прилагались вязание аккуратными рядами и круглые спицы. – Я теперь почти все одеяла отдаю в приют для бездомных. На Рождество и День святого Валентина вяжу крошечные красные шапочки в палату для новорожденных.

– Ух, надо же, ты и в самом деле, типа, хороший человек, – сказал он. – Ты не боишься, что, пока ты спишь, я по меньшей мере обдеру тебя как липку?

– Нет вообще-то. Я на этот счет не заморачиваюсь. Послушай, тут у меня не склад сокровищ. Самое ценное для ме-

ня – я сама и вот эти двое, но мы будем за запертой дверью, – кивнув на кошек, сказала она.

(Грузовик меняет передачу и грохочет дальше по улице. На частотах океанических глубин автомобиль медленно движется сквозь дождь, глухим шумом отзываются окна.)

– Я... э-э... я написал прощальное письмо и отправил его родителям. Они получают его завтра. Самое позднее – в субботу, – признался он, когда все затихло.

– О нет.

– Так что да... неудобно получается.

– Что ты чувствовал, когда писал письмо? – Ее близость была как прохладный мятный бальзам, который впитывала его кожа, пропускали через себя его мускулы.

– Мне было жутко не по себе, но я не видел другого выхода. Не написать его было бы нечестно. Если написать... если я должен был его написать, и точка – это тоже было бы ужасно. Так что я сделал наименее ужасный выбор.

– А сейчас ты как себя чувствуешь? Они его получают, а ты еще здесь. Я так рада, что ты еще здесь, – наклонив голову набок, добавила она.

– Довольно паршиво, – признался он.

– Ну а ты разве не хочешь позвонить им и все прояснить? Попробовать как-то перехватить письмо? Мы могли бы что-то придумать, – сказала она.

– Пока не знаю. – Все это так мрачно, что Талли уж точно не поняла бы, даже если бы он ей все выложил. Он и не

стал. И не станет. – Так вот, я буду спать на диване. Спасибо тебе. Я не стану... слушай, обещаю не... покончить с собой у тебя в гостиной, – сказал он, отмечая, что ногти у нее на ногах нежно-розовые – любимый цвет Бренны. У него защипало глаза, подступили слезы, он обхватил голову руками. Не мог поверить, что именно сломило его и что в конце концов он расплакался от цвета ногтей Талли. Шепот нежно-розового, вопль памяти. Эмметт смутился оттого, что слишком открылся ей, заплакав у нее на глазах. «Джайентс» забили, вырвавшись вперед и войдя в восьмерку.

– Послушай меня. Думаю, ты это и раньше слышал много раз: это о'кей, когда у тебя не все о'кей. И твои слезы меня не смущают. Поэтому не переживай, пожалуйста. Я совсем не возражаю против проявлений чувствительности. – Голос Талли был мягким и нежным, как и розовый лак.

– Тебе завтра на работу? Я полагаю, ты работаешь, – шмыгнув носом, сказал Эмметт.

– Да, работаю. Но завтра у меня выходной.

– Кем ты работаешь?

– Кем работаешь ты?

Эмметт снова шмыгнул носом. В горле стоял ком, голос подрагивал. Его бросило в жар. Он вытер нос.

– Где только я не работал, – сказал он.

– А сейчас не работаешь?

– Больше не работаю.

– Я преподаю в средней школе. Английский. Взяла завтра

день, чтобы от подростков отдохнуть, – сказала она. Отпила вина, поставила бокал. Снова взяла, допила вино и вытерла нижнюю губу большим пальцем.

– Эй, полегче! – сказал он.

– Ха! Почему это мужчины считают женщин неспособными пить, не пьянея? Как будто вы, мужики, полагаете, что мы слабы и уязвимы, даже когда это не так. Тебе сегодня пить можно, а мне нельзя?

– Прости. Я просто пошутил. Честно. Я не то имел в виду. Ты не похожа на уязвимую. Может, тебе следует вести себя, будто это так, но ты этого не делаешь, – сказал он.

– Погоди... мне следует?

– Еще бы! Вот ты приглашаешь незнакомца... мужчину в дом. Причем незнакомца со склонностью к самоубийству. Я понимаю: ты не можешь об этом не думать. Посмотри на меня. У меня здесь не все дома, понимаешь, – указав на голову, сказал он. – Я могу быть кем угодно.

– Я тоже.

– Да, но это другое дело, ты же понимаешь.

– О'кей, итак... как насчет армрестлинга? – прищурившись, спросила она.

(Унылый настрой преломляется и вспыхивает, быстро, как в призме.)

Они опустились на пол, сели, скрестив ноги, по разные стороны журнального столика. Она поставила локоть на деревянную поверхность.

– Армрестлинг для пьяных, – заключил он.

– Ты совсем другого ожидал, когда проснулся сегодня утром.

Его глаза еще щипало от слез, виски пульсировали.

– Да, – согласился он. – И я левша, так что у тебя преимущество.

– Да. Я заметила, – сказала она и ухватила его за руку. – Должна тебя предупредить: я могу за себя постоять.

– Даже не сомневаюсь.

Он обхватил ее руку своей, их запястья соприкоснулись. Талли досчитала до трех. Оказав достойное сопротивление, он отдал ей первенство, и она это знала. Она промолчала, но он знал, что она знает. Она осталась сидеть на полу, он тоже. Они молча смотрели, как питчер «Джайентс» отправил на покой одного за другим еще двух отбивающих, а потом и выиграл матч.

Итак, дело решенное.

Он подождет.

* * *

Когда Талли стало клонить в сон, она показала ему, как открывается входная дверь на случай, если он захочет подышать воздухом. Сказала, чтобы не стеснялся и брал в кухне что захочет.

– У меня много еды для перекуса, – указав на кухонный

шкаф, сказала она. – А я переложу твою одежду в сушилку.

– Спасибо. Можно я воспользуюсь твоим компьютером, если пообещаю не совать свой нос куда не надо? – попросил он. Ее тонкий ноутбук лежал на журнальном столике, как серебристый остров посреди океана древесины вишневого дерева.

– Конечно. Пожалуйста, – сказала она. – Спокойной ночи, Эмметт.

– Спокойной ночи, Талли.

Эмметт видел, что она прошла по коридору, зашла в прачечную, потом к себе в спальню, закрыла дверь. Он прислушался в ожидании, что щелкнет замок. Услышав щелчок, он открыл ноутбук и нарушил свое обещание.

* * *

Как и сказала Талли, она не выходила из Фейсбука бывшего мужа с тем, чтобы шпионить. Джоэл не мог не знать, что Талли из любопытства сидела в его аккаунте. Наверное, даже хотел этого. Для начала Эмметт прошелся по переписке Джоэла. Нашел и сообщения от Талли. На своем профильном фото она была с котом Джимом, которого прижимала к себе. Волосы собраны на макушке, губы клюквенно-красные. Хорошенькая. Ее широкая улыбка не была полной неожиданностью, как у некоторых. Она была естественной, как будто лицо больше любило улыбаться, чем хмурить-

ся. Он порадовался, что она не относится к тем, кто на профильном фото совершенно не похож на себя, кто пользуется различными фильтрами и ракурсами, чтобы солгать всему миру. Талли была на себя похожа.

Эмметт допил свой бокал вина и опьянел настолько, чтобы прекратить пить. Он теперь впал в веселое хмельное состояние, в котором бы с удовольствием жил, если бы это было возможно. И поудобнее устроился на диване. Талли дала ему еще и новую упаковку трусов-боксеров и мягкую темно-синюю кофту толстой вязки, которую Джоэл не носил. Еще с ценником. Она принесла из кухонного ящика золотистые ножницы «аист» и срезала его. Ему нравилось в этой кофте, плотной и теплой. Он закутался в нее и положил ноги на журнальный столик, механический свет ноубука бил ему в лицо, пока он читал сообщения Джоэла. Последнее сообщение от Талли было написано летом:

последнее предупреждение. если в доме осталось еще то, что тебе нужно, дай знать. тут коробка с книгами и кое-какие старые альбомы. все это я отдаю в секонд-хенд, если от тебя ничего не будет. больше, наверное, сказать нечего.

Джоэл ответил:

Можешь передать в секонд-хенд. Все что нужно я забрал. И я понимаю, как это странно и жутко. Я говорил тебе, что не собирался тебя обидеть, и поверь, я знаю, что несу кучу несусветной чепухи. Я попросил

тебя простить меня, понимая, насколько огромна эта просьба, насколько я не заслуживаю прощения и насколько это невозможно. Пиши мне в любое время, как только захочешь. Одетта не против, и даже если бы возражала она, я не буду. Это я не в смысле угрозы. Она в порядке. Мы в порядке. Ты мне по-прежнему небезразлична. Неважно, что я в Монтане и мы больше не муж и жена.

Он щелкнул назад в профиль Джоэла, увеличил его фото. На картинке был Джоэл, женщина с тегом «Одетта» и их новорожденная дочка. Одетта положила голову ему на плечо. Младенец спал. Джоэл смотрел прямо в камеру, и Эмметту было нечего сказать о его лице. Джоэл мог быть кем угодно. Он просмотрел профиль Одетты, где были фото ее цветущего лица в одиночку, с друзьями, с Джоэлом. Фото ее, беременной и улыбающейся, фото с ребенком на руках. Одетта на вид сильно отличалась от Талли. Он подумал, что Джоэлу пришлось бы раздвоиться, чтобы любить их обеих.

Эмметт решил не вводить в поисковик запрос «Таллула Кларк» – пусть ее тайна раскроется сама собой. Возможно, он поищет ее по дороге на мост и узнает, что провел ночь с безумной, которая выдает себя за нормальную, но регулярно размещает под своим настоящим именем посты на мрачных форумах о теориях заговора. Уж его-то она в Сети не найдет. Так как он не состоял в соцсетях, ей ничего не обнаружить, если вздумает его искать, да он и не сомневался, что она это уже сделала. Это было бы разумным

и уместным шагом для любой женщины.

Эмметт открыл вкладку в браузере в режиме «инкогнито» и создал новый электронный адрес. Он старался решить, какой ник выбрала бы Талли. Осмотрел гостиную, свернул окно браузера и посмотрел, что у нее на «рабочем столе». Там было фото Джима и Пэм – они спали на том же диване, где сидел он. Развернув окно браузера, он выбрал ник нового адреса.

Талликэт. Оно прозвенело у него в голове, будто рефрен из песни *China Cat Sunflower* рок-группы *Grateful Dead*. Ему придется добавить еще и цифры на случай, если ник уже занят. Он посмотрел на стоящие на полках DVD: ровно по порядку там стояли все фильмы о Джеймсе Бонде. Талликэт007. Пароль: Чет\$вергОктябрь2девять.

Он снова открыл Фейсбук, нашел профильное фото Талли и сохранил его на «рабочем столе». Загрузил его так, чтобы оно возникало в качестве фото к ее новому электронному адресу. В профиле Джоэла он нашел его электронный адрес, скопировал его и вставил в строку «получатель».

От: talliecat007@gmail.com

Кому: joelfoster1979@gmail.com

Тема: ты мне тоже небезразличен

привет джоэл, это мой новый адрес. начинаю заново. я все думаю о твоём последнем письме и очевидно ты мне тоже все еще небезразличен. и спасибо, что дал мне добро писать... если или когда мне нужно. странное

чувство, что мы больше не муж и жена. ты в монтане джоэл. папа. у тебя маленькая дочка и хвостик!

В этой части Эмметт рассмеялся. Не мог удержаться от смеха. Он приложил палец к губам и сам себе, пьяненькому, сделал «тсс!», от чего рассмеялся еще сильнее. Он обернулся на запертую дверь комнаты Талли – интересно, она спит? Тихо прошел по коридору и прислушался. Ничего не услышал, кроме шума сушилки, где в горячем режиме крутилась его одежда. Вернувшись к письму, он напечатал: «итак, я открыта к разговору».

однако было бы неплохо если бы ты признал что все это не из-за меня и что моей вины во всем этом нет и что я не могла бы ничего предпринять, чтобы не дать этому случиться. в душе я это знаю, и понимаю что не могу контролировать действия других... но мне было бы приятно услышать это от тебя. вот ты пошел и сделал другую беременной потому что считаешь меня негодной? больно. в душе я все еще пытаюсь с этим справиться. обескураживает вот что: ты думаешь, что кого-то знаешь... а на самом деле – не знаешь совсем. может, вообще нисколько не знаешь...

не собираешься в ближайшее время к нам в город?

скучаешь по мне иногда?

Ее имени он не подписал. Последний вопрос повис в конце письма, как отколовшийся кусок. Отправлено.

Талли и Джоэл не были друзьями на Фейсбуке, на ее стра-

ничке информации было немного, но в разделе «работа и образование» стояло ТЛК, что Эмметту показалось довольно милым. В разделе «семья и отношения» значился ее брат: Лионел Кларк. Эмметт щелкнул на его профиль и прочитал объявление о большой вечеринке, которую тот устраивал в субботу.

Пришло время ежегодной вечеринки у Кларков в честь Хеллоуина! Приз за лучший костюм \$2500, и еще \$2500 будут переданы в благотворительную организацию на выбор победителя!

Эмметт пролистывал страничку Лионела, пока не нашел фотографии Талли. На одной из них ее обнимал парень с тегом «Нико Тэйт», и улыбалась она другой улыбкой. Безмятежной. Эмметт почувствовал укол ревности. Он щелкнул на профиль Нико. Половина его страницы была на голландском языке, что-то на французском, немного на английском. Эмметт пролистал его фото гонок на каяках и занятий скалолазанием. Он был тренером по теннису, здесь были ссылки на его сайт. Фото его на корте со студентами, на мероприятиях по сбору средств с Роджером Федерером и Сереной Уильямс. Еще фотографии с Талли: Нико и Талли на теннисном корте, Нико и Талли на чьей-то свадьбе. Талли, моложе, чем сейчас, в шарфике среди фруктовых деревьев смеется, закинув назад голову, в руке краснеет расплывчатое яблоко. Это фото было похоже на киноафишу – осенний роман со счастливым концом. Эмметт прильнул к экрану.

Он не забыл выйти из нового фальшивого электронного аккаунта и удалить фото Талли, которое до этого сохранил на «рабочем столе». Он удалил из истории браузера все, что выявляло его шпионскую деятельность, пощелкал по спортивным новостям, проверил официальные результаты матча по бейсболу, который смотрел вместе с Талли. Закрыв ноутбук, положил его на журнальный столик.

Потом он достал из рюкзака свой мобильник и внес туда данные нового электронного адреса, чтобы получить уведомление, когда Джоэл ответит. А если не ответит, какая разница? Все было не важно. Он подошел к окну, но луны, к сожалению, не было. Суждено ли ему когда-нибудь увидеть ее? Прогноз на все выходные предсказывал дожди. Если для него и вправду все кончено, луны больше не будет. Ему казалось, он долгие годы не вглядывался в лунный свет. Днем ли, ночью ли, он обожал выйти на улицу и смотреть вверх, на небо. Сколько же всего он недооценивал!

Он лежал на ее диване, укрывшись принесенными ею одеялами, и чувствовал, что проваливается. Ему по-прежнему время от времени снились кошмары, он кричал, и голос был скрипучий, не свой. Бесовский. Все темные безумства и ужасы того, что он видел и что его силой заставляли делать. Насилие и одиночество вонзались в него, оставляя невидимые разрезы, сквозь которые вытекала душа.

Но сейчас, когда он засыпал в предчувствии скорого конца, мысли о будущем успокаивали его. Ведь сон так похож

на смерть. В ту ночь кошмаров не было. Он спал в кофте, под тяжестью связанных руками Талли одеял, и сон его был подобен ровной, наглухо застегнутой темноте, и в нем не было сновидений, как будто он никогда и не просыпался.

Часть вторая

Пятница

Талли

Утром Талли увидела сообщение от Лионела – ответ на вопрос, о котором она забыла, так как задала его до того, как ее заволокло дымкой переживаний об Эмметте. Мысль «я приютила на ночь незнакомого, неуравновешенного мужчину», тронув за плечо, разбудила ее задолго до нужного времени, не оставляя будильнику никаких шансов.

«Каждый год одно и то же, хватит валять дурака. Я не скажу тебе, какой у меня костюм. Это тайна», – ни свет ни заря написал брат, так как всегда поднимался очень рано.

«я знаю, ты никогда не говоришь, но мне нравится спрашивать... и доставать тебя!» – ответила Талли.

Достала. Твое желание исполнилось.

и-и-и ты меня любишь.

Что правда, то правда.

Кошки, как два моторчика, мерно урчали у нее в ногах. Талли задержала дыхание, прислушиваясь, не двигается ли Эмметт там, на диване. Не дал ли среди ночи стрекача? Она

на цыпочках подошла к двери спальни, отперла ее и медленно открыла. Оттуда ей были видны волосы Эмметта – рыже-золотистая копна контрастировала с подушкой и диванной обивкой цвета лаванды. Она закрыла и заперла дверь, пошла в ванную. Для того чтобы успокоиться, каждый вечер после работы Талли принимала ванну – настолько горячую, насколько могла вытерпеть. Обычно она настаивала себя, как чай, и, покрасневшись и расслабившись, ощущала, как конечности становились безвольными, веки тяжелели. Так как накануне она пропустила свой ритуал, надо было идти в душ. Она разделась и ступила в прохладу белой плитки.

* * *

Потом она неторопливо почистила зубы и умылась. Нанесла яблочный тоник, гиалуроновую кислоту, средство для кожи вокруг глаз с кофеином, увлажняющий крем и крем от солнца. Выдавила из тонкого тюбика на палец кокосовый блеск для губ и нанесла его. Кокосы она любила по утрам, мяту – вечером. Она не изменила и не сократила ничего из своей утренней программы по уходу за кожей. Стекланные пузырьки серума и ароматы успокаивали. Джоэл спрашивал «какой от этого эффект?», изучая этикетки с крошечным текстом. Он любил утверждать, что уход за кожей – это сплошное надувательство, однако не понимал, что

она использовала его, чтобы упорядочить утро и вечер. Ей даже было не важно, работала ее программа или нет. Но она работала! Кожа была чистой, гладкой и нежной практически все два года с тех пор, как она стала уделять ей больше внимания и чаще заниматься собой. Прописанные ей лекарства от бесплодия ранее полностью трансформировали ее организм, при этом испортив кожу. И нужны были средства для отшелушивания, бустеры, ампулы, кислоты и экстракты. Кремы для глаз, от солнца и ночные кремы. Ретинол и тканевые маски. По утрам и вечерам это были ритуальные три, пять или десять шагов, которые она полностью контролировала, когда все остальное из-под ее контроля вырывалось.

* * *

Осторожно, чтобы не шуметь, Талли пробралась мимо Эмметта, который расположился на диване, запихнув рюкзак под согнутые колени. Оказавшись в кухне, она ответила на сообщения от двух подруг. Написала Айше «люблю, скучаю», зная, что до воскресенья подруга сообщения не увидит. Талли взяла в кухню ноутбук и, поставив его на стол, просмотрела историю браузера, состоявшую из спортивных сайтов и статей. Определенно, Эмметт не запускал в поисковик фразу «как убить женщину, накануне угостившую тебя кофе».

Она вернулась в гостиную и села на пол напротив него.

Хоть бы он поскорее проснулся, чтобы она могла оценить его настроение, понять, стало ли ему лучше. Его голова была повернута в ее сторону, и ей приходилось сдерживаться, чтобы не придвинуться ближе. Наклониться и получше изучить его, почувствовать, чем он пахнет, когда спит. Прошептать «кто ты?» ему в ухо, чтобы из сонно приоткрытого рта высыпались в утренний свет все его секреты.

Эмметт

Он проснулся, хотя Талли старалась не шуметь в кухне, пахло кофе и яичницей с беконом. После выпитого красного вина его голова пульсировала от боли.

– А, Эмметт, доброе утро. Надеюсь, ты чувствуешь себя хорошо. Я положила тебе в ванной новую зубную щетку. Ты, наверное, сам увидишь, – сказала она из-за двери ванной, предварительно постучав в нее.

Писая, он заметил на стойке красную зубную щетку, еще в упаковке.

– Доброе утро. Да, чувствую себя хорошо. Спасибо. Щетку вижу.

– Кофе и завтрак ждут тебя, как выйдешь.

– Спасибо, – снова сказал он.

Эмметт почистил зубы коричневой пастой, и его отражение моргало ему. Он не собирался дожить до утра и увидеть себя в зеркале. Он представил мост в тумане дня, проносящиеся мимо машины. Есть ли шанс, что, ударившись о речную поверхность, он не потеряет сознание? Он читал редкие истории выживания, но знал и о том, что при прыжке с моста сила удара была примерно такая, как если попадешь под машину, что его тело могло бы падать со скоростью сто двадцать километров в час. Падая, он будет набирать скорость, потом его кости поломаются, органы разорвутся. Простая физика.

И если все это его не убьет на месте, то напоследок его легкие вместо воздуха наполнятся водой.

Он не боялся.

Эмметт плеснул на лицо из крана, вытер его насухо висящим на крючке полотенцем. Огляделся, увидел ее стеклянные пузырьки и пластмассовые тюбики. Все пахло цветами – девчачий уголок.

(Ванная комната в коридоре. Две свечи: в одной половина воска, другая с еще не подожженным фитильком. Рядом с выключателем в белой рамке фото: она рядом с какой-то женщиной. На крючке рядом с рамкой две нитки деревянных бус, одна – бисерная. В дозаторе жемчужно-белое жидкое мыло. Бледно-голубой коврик. Над зеркалом четыре пузатые лампочки дневного света. Рядом вставлена открытка с «Давидом» Микеланджело. Дверные ручки серебристые и изогнутые, с завитком на конце. Кран тоже серебристый, в форме лебединой шеи. Белая вентиляционная решетка, белая плитка. На внутренней стороне двери зеркало во весь рост. На стене две розетки, в одну включен ночник. В углу у туалета небольшой мусорный контейнер. Занавеска в душе такого же цвета, что и коврик. Круглое окно из молочного стекла, как на корабле.)

В коридоре у двери ванной его уже ждали две кошки, сидя бок о бок. Он потрепал их по головам, почесал за ушами. Когда он вошел в кухню, Талли протянула ему кофе в кружке с Гарри Стайлсом. Эмметт указал на лицо Гарри, опять по-

благодарил ее и отпил глоток, тем временем она села за стол.

(На тарелке яичница с беконом и тост. В центре стола масло и джем из местной экологически чистой ежевики, миндальная паста. Графин с водой, два стакана и пузырек ибупрофена.)

– От красного вина обычно болит голова, – положив палец на крышечку лекарства, сказала она и пригласила его сесть. – Как ты относишься к завтраку?

– Лишь психопат отнесся бы к завтраку плохо, – сказал он и принял две таблетки ибупрофена. Накануне вечером он размышлял, не станет ли ужин его последней трапезой, и что теперь? Он проголодался и мечтал о завтраке.

Эмметт и Талли ели и обсуждали дождь, который прогнозировали на выходные. Она опять спросила, как он себя чувствует.

– Лучше... мне лучше, – сказал он.

– Рада слышать.

Он вспомнил о «липовом» письме Джоэлу и почувствовал себя последней дрянью, размышляя, как бы сделать так, чтобы ничего этого не было. Его чувства перетасовывались, будто колода карт: бубны с душевным дискомфортом, слишком остро реагирующие трефы, упрямые пики, туз со своим чувством вины. И его сердце, символ червовой масти, их сердца, которые пока бились. В той или иной степени. Но вот надежда – она и была нужным джокером. Не спутал ли он измождение с безысходностью? Может, они себя чувствовали

одинаково среди холодного дождя, надвигающейся темноты.

– А вот интересно... ты хоть иногда общаешься с Джоэлом? – мгновение спустя спросил он, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как можно непринужденнее – как продолжение вчерашнего разговора. Если она общалась с Джоэлом каким-то еще образом, ей не составит труда понять, что он проделал.

– Ой... нет. Я проявила мелочность и вообще заблокировала его номер в телефоне. Возможно, редкое сообщение в Сети, но вообще-то нет. Его последнее письмо я посчитала не требующим ответа. Больше нечего сказать, – заключила она. – Давай о более приятном, ты хорошо спал?

Нежность ее тона вызвала сильнейшей отзыв у него внутри.

– Я хорошо, а ты? – спросил он.

– Тоже.

– Ну ты одержала надо мной победу в армрестлинге... так что сегодня, наверное, мне следует запереться от тебя, – сказал он.

– Хм, – сказала она. С ее лица сошло всякое выражение.

– Не думай, я не пытаюсь остаться ночевать и сегодня. Я пошутил. Скоро пойду своей дорогой, не волнуйся, – сказал он, не в состоянии разобраться, какой ответ хотел бы от нее услышать. Чтобы пригласила остаться? Попросила уйти? Оставила выбор за ним? Он продолжал есть и пить кофе.

– Нет, не в этом дело. Я была бы рада, оставайся. Я за тебя

переживаю. Может, тебе нужно пару дней, чтобы снова стать самим собой?

Эмметт проглотил и некоторое время молчал.

– Я больше не хочу становиться самим собой.

– Конечно, нет. Ты прав, – кивнула она. – Ну, о'кей... так вот, каждый год мой брат Лионел устраивает с большим размахом вечеринку в честь Хеллоуина. В субботу. Завтра, – пояснила она, как будто перед ней был инопланетянин, который не знал последовательности дней недели. – Будет весело, куча людей в причудливых костюмах... – Она замолчала, поставила локоть на стол, опустила подбородок на ладонь, потом откинулась на спинку стула и заговорила опять: – Мое предложение: как ты смотришь на то, чтобы остаться здесь хотя бы до субботы и пойти со мной на вечеринку? Это интересно, и будет чем заняться. Всегда надо, чтобы было чем заняться... чего ждать с нетерпением. Это радует наше сознание.

Они обменялись улыбками через стол, будто старые друзья.

– Кем ты нарядилась в прошлом году? – поинтересовался он.

– Дороти из «Волшебника страны Оз», и моя подруга Айша была тоже Дороти, – сказала она. – Брат всегда заходит слишком далеко – ведь это его любимый праздник. В прошлом году он оделся как Гудини¹⁹ и взял напрокат резервуар

¹⁹ Гарри Гудини – американский иллюзионист, филантроп и актер.

с водой. А один из его друзей каждый год специально отпускает бороду, чтобы прийти в образе Гэндальфа²⁰, а на следующий день ее сбрасывает. Он даже приходит со своими маленькими хоббитами. Это уже ни в какие ворота!

– О'кей, вот это да. Развлекаются по полной. Так какой у тебя костюм?

– Ни малейшего представления. Обычно я уже все знаю, типа, за несколько месяцев, но в этом году я не успеваю... из-за работы и... всего остального, что занимает мои мысли, и еще ничего не решила. А время-то идет. Но все получится, потому что теперь ты и я можем выбирать костюмы вместе.

– Я не против, – сказал он. Как это – радовать свое сознание? Он точно не помнил, хотя где-то внутри у него екнуло. Но совсем тихо и очень-очень далеко.

– Хорошо. Этим мы сегодня и займемся.

* * *

(Магазин костюмов на торговой улице не такой уж и унылый, как могло показаться. Он зажат между обувным и кондитерской. Напротив – спорттовары, рядом продаются кухонная утварь и посуда. Утро сырое, и кажется, что мир еще не проснулся. Парнишка из колледжа за кассой положил ноги на стойку. Он носит очки, читает комиксы

²⁰ Один из центральных персонажей романа Джона Р. Р. Толкина «Властелин колец».

про Супермена.)

Они ходили по рядам, Талли время от времени останавливалась, чтобы повнимательнее взглянуть на костюмы.

– Видишь что-нибудь подходящее? – спросила Талли с другого конца целого ряда костюмов гориллы.

– Вроде нет, – сказал он и засунул руки в карманы.

– В последний раз, когда ты одевался на Хеллоуин... кем ты был?

– Несколько лет назад я оделся как Битлджус²¹.

– Я обожаю Битлджуса. Здорово! О'кей, как насчет «Звездных войн»? Мальчишкам обычно нравится. Ты ведь любишь «Звездные войны»?

– Люблю, – признался Эмметт.

– Сейчас мы уже перебираем остатки. Я слишком долго тянула, – сказала Талли, переходя в другой ряд. Он видел, как покачивается ее голова. И когда она с ним поравнялась, эта голова возникла над полкой со зловещими вывесками. – Здесь ничего хорошего. О'кей... Знаю, знаю, но... А что, если нам одеться парой? Не парой в смысле отношений, а парой героев в костюмах – ну ты понимаешь... связанные между собой костюмы для двоих, идущих вместе на Хеллоуин. Тебе это кажется странным? Ты бы согласился? – спросила она.

– Я не против.

– Правда?

²¹ Герой одноименной фэнтези-комедии режиссера Тима Бертона.

Он кивнул.

– Хорошо, иди сюда, на эту сторону, – сказала она и по-манила его рукой.

– Как насчет Кларка Кента и Лоис Лейн?²² Они простые, и нам потребуется совсем немного, – когда они обошли магазин с этой новой мыслью, предложила Талли. – Или они, или Сэнди и Дэнни из «Бриолина»²³. Вообще-то мне не выиграть приза за лучший костюм, потому что это вечеринка брата и так было бы нечестно... так что предупреждаю, нам необязательно одеваться в лучшие костюмы, но давай все же приложим героическое усилие, чтобы было чем гордиться.

– Так точно, – сказал он. Она держала очки в черной оправе, на руке висели блестящие черные легинсы, на плече – сумочка. – Я надену очки.

– Примерь.

Эмметт надел очки. В ту минуту он сделал бы все, чего бы она ни попросила. Он смотрел на нее, на своего нового внезапного друга Талли.

– Замечательно. О'кей, нам нужны подтяжки. Или не нужны, а вот что обязательно, так это топ Супермена, который надевают под выходную белую сорочку, а галстук перебросывают через плечо. Открытый всем ветрам. Будто Кларк Кент превращается в Супермена. – Он понял, насколько се-

²² Персонажи комиксов о Супермене.

²³ Музыкальный фильм режиссера Рэндала Клайзера, созданный в 1978 году по мотивам одноименного сценического мюзикла.

рьезно она к этому относится. Входила она сюда непринужденно, но теперь приступила к делу. – Юбка-карандаш и все остальное у меня есть, а вот что мне нужно, так это журналистский бейджик или что-то в этом роде. Пойду спрошу у парнишки, есть ли у них такие, – сняв с Эмметта очки и положив легинсы на полку, сказала она и направилась к кассе. Юбка-карандаш на время зависла в голове у Эмметта, так как он понятия не имел, что означают эти слова, когда стоят рядом. Он был озадачен и поражен количеством жизненных секретов, известных одним только женщинам.

Парень-кассир прошел за ней и показал на одну из полок.

– Есть у нас вот эти бейджики. Из сериала «ФБР. Секретные Материалы»²⁴.

– Ой! А давай мы лучше будем Малдер и Скалли! – схватив с полки два бейджика ФБР, предложила она. По пути к кассе парень-кассир поправил на полке несурзные черепа в шутовских колпаках.

– Мы попросту наденем то же самое, за исключением очков и топа Супермена. Малдер все время одевается в черные и серые костюмы, но у меня есть темно-синий, который будет тебе в самый раз.

– Костюм Джоэла?

– Он его ни разу не надел.

– Почему у тебя так много его неношенной одежды?

– Потому что я от нее еще не избавилась и еще потому что

²⁴ FBI X-Files – американский научно-фантастический телевизионный сериал.

хотела видеть в Джоэле кого-то, кем он не был, а он носит только черные и серые костюмы, – резко сказала она, будто иглой бумагу пропорола.

– Мне нравится Малдер. Я буду Малдером.

– Из тебя получится идеальный Малдер, – с непоколебимой уверенностью заявила она.

Эмметт последовал за ней к кассе.

– У меня есть деньги. Там, дома. В рюкзаке. Тебе необязательно за меня все время платить, – сказал он. Он вспомнил, что поставил рюкзак у Талли дома в безопасное место между диваном и журнальным столиком. Оставляя его там, он не волновался. Жила она одна, и дома не было никого, не считая кошек, – кто стал бы совать туда нос?

– Ерунда. Я тащу тебя на Хеллоуин. И плачу за это.

– Ты меня не тащишь. Я иду по собственному желанию, – сказал он и сам удивился, что это правда. Он уже не помнил, когда в последний раз ему хотелось пойти на вечеринку или чего-то подобного.

Она коснулась тыльной стороны его ладони и понесла бейджики к кассе. Он настоял, что скользкий оранжевый пакет из магазина понесет сам.

* * *

– А знаешь, можешь говорить со мной откровенно. О чем угодно, – сказала Талли.

Они зашли в заведение «Юбка-пудель» в стиле пятидесятых, находившееся в конце улицы и торговавшее гамбургерами. Здесь было много света, и это был настоящий оазис для покупателей, добредших в такую даль и не поубивавших друг друга. Браво.

– Надо же. Я собирался то же самое сказать тебе, – ухмыльнулся он.

– Вообще-то я серьезно, о'кей? – сказала она тонким голоском, который очень располагал его к себе. Хорошенько обмакнув ломтик жареного картофеля в кетчуп, она съела его.

– И я серьезно. Ты скажешь мне что-нибудь честно, и я сделаю то же самое. Прямо сейчас, – соврал он.

– Не хочешь ли начать?

– Хорошо. Я начну. Мы могли пройти мимо друг друга на улице или в магазине или еще где-либо много раз... и вот... мы здесь, – сказал Эмметт. Он огляделся и заметил семью в кабинке наискосок от них.

(Пожилая пара со взрослым сыном и его маленькими детьми. Еда уже перед ними. Пожилая женщина заказывает у официанта молочный коктейль. Шоколадный. Дети пьют из пластиковых стаканчиков с ярко-красными крышечками и сюжетами из мультфильмов. Часы «Элвис» на стене качают своими блестящими бедрами. Тик-так. Тик-так. Тик-так.)

– Ты часто приезжаешь в Луисвилл? – спросила Талли.

– Достаточно часто.

– Ну я бы тебя запомнила.

– Что запомнила?

– Лицо, волосы, глаза. Всего тебя, – продолжая есть, сказала она и указала на него дряблым ломтиком картофеля. – У тебя яркая внешность.

Ему нравилось на нее смотреть, но он боялся в этом признаться, чтобы не вызвать у нее чувства неудобства. Слушала она с милым и неизменно ободряющим лицом, как у хорошо знакомого персонажа из хорошего непримечательного сна.

У их стола остановился официант и наполнил их стаканчики.

(Официанта зовут Грег. У Грега короткие каштановые волосы. У Грега голубые с желтым кроссовки, джинсы, белая футболка, красный фартук-передник с пуговицами. На одной из них написано «Рок круглые сутки»²⁵. На другой пушистый розовый пудель пьет молочный коктейль на фоне из черно-белой клетки. На следующей пуговице: «Спроси меня о премиальных баллах «Юбки-пуделя»».)

– Принесите нам два пива и две порции бурбона, – обратился Эмметт к официанту, сразу пообещав Талли, как только они придут домой, вернуть ей деньги.

– Ммм... О'кей, послушай. Поклянись, что ты не алкоголик? – когда официант ушел, попросила она.

²⁵ Rock Around the Clock Tonight – песня, написанная в 1952 году американскими музыкантами Максом Фридманом и Джеймсом Майерсом.

– Я не алкоголик, Талли. А ты не алкоголик?

– Нет. Но привычка пить посреди дня ни к чему хорошему обычно не приводит.

– К черту все правила, – сказал он.

– Хммм... а ты имел вчера смелость говорить мне «полегче». Ой, кстати! Ты ведь здесь раньше не был? – спросила Талли.

Эмметт подтвердил, что не был.

– Тогда тебе просто необходимо попробовать их соус. Иногда их приходится специально просить... Я закажу. Он изумительный. Чуть не забыла! Ты должен его попробовать, – вежливым жестом подзывая официанта, сказала она.

В этом маленьком жесте Талли сквозила забота о нем. Костюмы, еда – кто-то другой принимает все решения, даже самые незначительные. Очень долгое время с Кристиной ему приходилось все решать самому, проверять все замки, оплачивать все счета, готовить все завтраки, обеды и ужины. Это выжало из него все соки, но теперь ему больше не нужно об этом беспокоиться.

Кристина – до краев полное ведро, которое его попросили пронести через зону боевых действий, по раскаленным углям, на воздушном шаре, на тряских американских горках. Их отношения с самого начала были обречены. Она перелилась через край и выплеснулась, и он ничего не смог с этим поделать. Неизбежность обрушилась на него и раздавила. Но теперь Кристины больше нет, и все это не имеет

значения. Он по ней скучал. И от любой толики чьего-нибудь великодушия или милосердия его душа наполнялась каким-то бледным светом.

Талли

Эмметт заплакал и вытер нос салфеткой. Он сидел, прижав ладони к глазам, подбородок его дрожал.

– Я чем-то тебя расстроила? – спросила она.

Клиент легко плачет, он мягкосердечный. Манера поведения изменчива.

Задавала слишком много вопросов? Или он вспомнил о письмах, о тех женщинах? Или о родителях, о письме, которое им написал? Чувство вины? Раскаяние? Могло быть что угодно. По пути в магазин она опять спросила, не хочет ли он перехватить письмо, а он, пожав плечами, сказал, что, наверное, нет. Переубедить его ей не удалось. Бедные родители. Получив письмо, они решат, что ничего сделать больше нельзя. Она с ужасом представляла себе бесконечное ощущение обреченности. А он здесь, перед ней, вполне себе живой и в безопасности.

Талли была эмпат. Прикрыв глаза и вытянув руки, она, как по Брайлю, читала в душах клиентов. У нее был к этому дар, и на нем она построила всю свою карьеру! И сейчас между ней и Эмметтом уже существовала душевная связь, и возникла она моментально. Он легко плакал, но, к ее удивлению, не нуждался в эмоциональной поддержке, как многие ее клиенты. Как те, кто настойчиво требовал постоянных увещаний и с кем надо было нянчиться. Частично Эмметт

казался решительно погруженным в депрессию, уступившим ей, но вместе с тем иногда он демонстрировал явную бодрость духа и ребячливость – это вселяло в нее веру: здесь было с чем работать.

Официант принес напитки и соус. Эмметт сразу опрокинул свою порцию бурбона, запив его двумя огромными глотками светлого пива. И, сама не зная почему, Талли, решив не отставать, последовала его примеру. Едва официант успел подойти к соседнему столику, как Эмметт жестом попросил его принести еще два бурбона.

– В твоих словах ничего такого не было. Я в порядке, – сказал Эмметт. Он макнул свой гамбургер в специальный соус и откусил. Заверив Талли, что соус очень вкусный, он вернулся к пиву.

– Э-э. Тебе... нам не следует слишком много пить. От этого всегда неприятности, – предупредила Талли. Она бы ни за что не пошла обедать с клиентом и не позволила бы клиенту провести ночь в своем доме. И, разумеется, пить с клиентом она бы тоже не стала. Даже думать об этом было абсурдно. Такое поведение было бы непрофессиональным и граничило бы с неэтичным! Она всегда держала свою жизнь в строжайших рамках, но на самом деле... что ей это принесло в отношениях? В итоге не чувствует ли она себя одинокой? Другие, как казалось, правила не соблюдали, так почему она должна? Что плохого в малюсеньком акте неповиновения? Какое она имела право указывать взрослому муж-

чине, как поступать? – Ну то есть... на этом все. Достаточно, ты не находишь? – добавила она в конце.

– Безусловно. Понято. Я выйду покурить. По-моему, это пойдет мне на пользу. – Он будто спрашивал у нее разрешения и потому показался в то мгновение очень маленьким, хотя это было не так.

Механизм преодоления: ага! Сигареты, как и предполагалось.

Он поднялся и похлопал себя по карману, потом полез туда и нашел драгоценность в виде полупустой мягкой пачки.

– О'кей. Если нужно. Не знала, что ты куришь. Думала, что, возможно, да, но куревом от тебя не пахло, да и не курил ты с самой нашей встречи. Так ведь? Или курил, пока я спала? – спросила она и подняла на него глаза, одолеваемая абсурдностью ситуации – как могло задеть ее незнание одной детали о нем. Она не знала о нем вообще ничего, не считая крупниц информации, которыми он поделился. Да и те могли оказаться враньем. Однако похищенные письма – исчезновения которых он пока не заметил или, по крайней мере, о них не упоминал, – враньем не были.

Накануне, перед тем как уснуть, она снова залезла в Гугл. Забивала в поиск его имя в сочетании с Клементиной, Кентукки, но ничего не обнаружила. Она пробовала имена Эмметт, и Кристина, и Бренна. Сначала всех вместе, потом парами – ничего не помогало. Без фамилий поиск не приносил ни результатов, ни новостей, ни веб-сайтов, ни соцсетей.

Эмметт выбил из пачки сигарету.

– Нет, пока ты спала, я не курил, – шмыгнув носом, сказал он. Глаза его были еще мокрыми от слез, во рту покачивалась сигарета.

– А можно я с тобой?

– А ты куришь?

Она покачала головой – она не курила с самого окончания колледжа.

Он поманил ее за собой, как раз когда официант принес бурбон. Шагнув обратно к столу и засунув сигарету за ухо, Эмметт залпом, будто это вода, выпил золотистую жидкость. Талли тоже осушила свою порцию, чувствуя себя при этом страшно виноватой и безответственной, но в полной мере наслаждаясь жжением внутри.

* * *

Выйдя на улицу, Эмметт прикурил сигарету, затянулся и предложил ей. Прислонившись к кирпичной стене ресторана, он выпустил дым через нос. Вдыхать через рот, а выдыхать через нос было роскошью, а вот день роскошным назвать никак не получалось.

С седоватого неба моросил дождь.

В воздухе пахло яблоками и жареным мясом с луком.

От соседней с рестораном кафешки пахло сидром – этот запах стоял там с середины сентября до дня после Благода-

рения, когда его сменял аромат рождественского кофе с мятой.

Талли могла бы рассказать Эмметту, что она дипломированный психоаналитик, что о «Службе психологического консультирования ТЛК» она мечтала всю жизнь, как ею гордилась и как вскоре служба должна была расшириться, приняв еще двух психоаналитиков. Но вся эта информация изменила бы то, как Эмметт с ней взаимодействует. Она зарабатывала на жизнь хранением чужих секретов, и это изнуряло. Изолировало. Как и у других, у нее были свои секреты, у Джоэла – свои. Эмметт тоже не распространялся, так почему бы ей не подержать язык за зубами? Настала наконец ее очередь.

Кипучая чувственность таила в себе опасность.

Втайне Талли содрогнулась от волны страсти. Еще в ресторане Эмметт выбил сигарету из пачки и засунул ее между губами умелым и немного развязным движением, напомнив неотразимого Стива Маккуина²⁶, которого она обожала. Эти утрированно мужественные типажи старого Голливуда в ее любимых классических фильмах постоянно курили – пыхтели и дымили, как драконы. Ей хотелось снова увидеть, как Эмметт выбивает сигарету из пачки. А еще лучше заснять это на мобильник, чтобы смотреть в режиме повтора перед сном.

Она затянулась еще раз и, дав волю воображению, пред-

²⁶ Американский киноактер.

ставила себя в постели с ним. Эта фантазия была для нее словно мерцающий тоник. Чем от него пахло под фланелевым ворохом одежды? Вышедшей из берегов рекой, полной осенней листвы, аромат которой разбавлен камфорой? Белым мылом, потом с каплей бензина? Сигаретами, пропитанными древесным дымом? Она представляла его разгоряченную ритмичную тяжесть на себе. Его лицо между ее ног, ее – между его. Его сзади, волосатого и стонущего, когда он, пульсируя, достигает апогея. Их обоих, возбужденных. Оди-чавших.

* * *

Уже больше года прошло с тех пор, как она и Джоэл были вместе, и месяц – с тех пор, как она была с кем-либо: у нее случился секс в стиле «я недавно развелась и понятия не имею, чего я сейчас хочу» с Никодимасом Тейтом. Нико. Учась в колледже, они встречались в течение нескольких лет, то сходились, то расходились. В те времена их расставание было постепенным, они отдалялись в разные стороны вместо того, чтобы резко разорвать отношения, и в прошлом у них с Нико всегда был отличный эффективный секс. Отличный и эффективный, как целевой поход на распродажу: все, что ей нужно, в нужном месте, а иногда еще и дополнительные скидки, из-за чего весь поход окупает себя с лихвой. А секс с Нико после развода? Полный улет. После тех оргаз-

мов у нее на две полных минуты закладывало уши и кружилась голова.

Роман Нико и Талли проходил в девяностые годы. Концерты рок-группы Дэйва Мэтьюса, *Lilith Faur*²⁷, микстейпы. Они вместе устроили вечеринку встречи двухтысячного года. В колледже Нико играл с теннис, занял седьмое место среди студентов университетов и был сороковым среди игроков Ассоциации теннисистов-профессионалов. Уже когда он не был ее бойфрендом, Талли и Айша еще долго после окончания колледжа ходили на его матчи, где пили ледяной джинс с тоником и – *соблюдайте тишину!* – смотрели, как Нико потел и стонал на зеленом грунте. Однажды после выигранных им матчей они пошли праздновать, и Талли снова оказалась с ним в постели, хотя они и сами не знали, как назвать их отношения.

Три месяца спустя Нико позвонил ей, чтобы сообщить – сюрприз! – что он и его юношеская любовь Саския помолвлены. Саския-адвокат. Имя «Саския» лязгало, будто ножницы. Имя «Саския» – будто залпом выпил очень газированную шипучку. К своему удивлению, ревности Талли отведала лишь глоточек, хотя и ожидала, что будет ревновать больше. Сильнее всего она чувствовала, что была за него искренне рада, а когда Нико и Саския развелись, Талли и Нико воссоединились. Но тогда уже был Джоэл. Когда у Талли

²⁷ Тур и музыкальный фестиваль, проходивший летом с 1997 по 1999 год, а затем в 2010 году.

и Джоэла стало все серьезно, у нее по отношению к Джоэлу стали появляться ревность и рефлекс защиты, которых она не чувствовала по отношению к Нико. Джоэл вселял ощущение безотлагательности. Она быстро хмелела от этих новых для нее чувств.

Предыдущим летом она наткнулась на одинокого бородастого Нико в спортзале, куда недавно записалась, и он, взглянув на левый палец без кольца, спросил, по-прежнему ли она замужем. Он теплом и грустью ответил на известие о ее разводе. Рассмешил ее, напомнив, что она говорила, что, если выйдет за него замуж, никогда не возьмет его фамилию и не сменит имя на Талли Тейт, потому что это напоминало персонажа детской книжки о непослушном ребенке. Она рассказала Нико все об измене Джоэла, так как не могла держать это в себе. В свою очередь, он рассказал ей, что у Саскии случился ранний выкидыш и каким виноватым он себя чувствует из-за испытанного тогда чувства облегчения. Рассердившись, Талли впервые выплеснула на него рассказ о своих мучениях в борьбе с бесплодием. Он сильно извинялся, и она поняла, что не в состоянии продолжать на него обижаться. Нико был такой свой и безопасный, настоящий друг, он был в ее жизни какой-то неожиданной константой, даже когда они не общались. Она не понимала, как это работало, но точно знала, что без магии здесь не обошлось. И Нико она могла доверять – он, как прохладная вода, тушил пожар у нее в душе.

Иногда по вечерам она была в подавленном состоянии, и Нико умел распознавать явления в атмосфере. Знал, когда принести цветы, шоколад или вино. Еду. Он мог, не спрашивая, заехать в ее любимую лапшичную и заказать острую «пьяную лапшу»²⁸ с тофу, обжаренным рисом с базиликом и креветками. Кальмары и дамплинги. В те тупиковые месяцы после развода, прожитые будто под нависшим ядерным грибом, он был верным и очень необходимым компаньоном. Она лишилась Джоэла – своего мужа, любовника, партнера, друга, своей компании, – человека, с которым делила всю свою жизнь. Человека, с которым спала с одной постели и ходила в кино. Человека, которому все рассказывала, человека, ставшего частью ее семьи. Человека, с которым каждый вечер ужинала и который каждую субботу после обеда ходил с ней за продуктами. Все крупное и мелкое, что связано с ним. Даже глупое, раздражающее. Важное. Теперь ей приходилось делать все это одной.

А Нико был с ней, когда ей было это нужно – как приправленная аптечка первой помощи.

Нико знал, что Талли не была готова к настоящим отношениям или к чему-то подобному. Она с самого начала говорила с ним открыто, давая понять, что в последние тринадцать лет не была ни с одним мужчиной, кроме Джоэла.

²⁸ Пьяная лапша, или пад ки мао (*pad kee ma*) – популярное тайское блюдо, которое не содержит алкоголя, а свое название, вероятно, получило благодаря тому, что легко и быстро готовится и подается чаще всего со спиртными напитками.

Она призналась Нико в своем страхе, что, наверное, даже не помнит, как это – быть с каким-то другим мужчиной, кроме Джоэла. Нико пообещал, что поможет вспомнить. Он сказал: «Это хорошо, что я не Джоэл» – и поцеловал ее в губы, как делал это раньше, когда они были студентами, когда его дыхание пахло пряным плечом, а взгляд был воспаленным после бессонной ночи перед экзаменом. Сюжет, достойный хорошего рассказа: Нико был ассистентом преподавателя Талли по французскому и сам стал ее репетитором французского с бонусами. *Oui*²⁹, теперь они были взрослыми, вели взрослую жизнь, с ее свободами и проблемами, но... В душе он навсегда остался студентом Нико.

Студент Нико в библиотеке, в изумрудно-зеленом свете, с его *belle bouche*³⁰ и медленными, до дрожи внутри, поцелуями. Расширенные глаза студента Нико, когда Талли научилась переводить и повторять его сальности. *J'ai envie de te baiser*³¹. Студент Нико в малиновом свитере реглан с карандашом за ухом, и студентка Талли тает, как свечка, когда его видит. Студент Нико в том ярком, как электрический разряд, джемпере рыбацкого стиля, связанном косичкой из разноцветных ниток – она хотела извлекаться в нем, как собака, впитать в себя его запах. Эспрессо, мята, бумага. *Nico, je suis*

²⁹ Да (фр.).

³⁰ Красивый рот (фр.).

³¹ Я хочу тебя (фр.).

à toi³².

Нико и Саския были женаты всего два года, и хотя их развод был не ахти каким скандальным и полным драматизма, как у Талли и Джоэла, Талли и Нико оба неизменно находили утешение в своих одинаково неустойчивых состояниях «после». Он часто звонил и посылал Талли сообщения, чтобы проведать ее, и это поддерживало и бодрило, но не подавляло. Они были вместе трижды со времени ее развода, все три раза в его просторном, с большими окнами лофте в деловой части города. Голый и запыхавшийся, лежа на спине, он еще раз сказал ей перед ее уходом во второй раз, что он готов встречаться, как только ей нужно будет напомнить себе, что Джоэл не был единственным обладателем члена на всем белом свете.

С их последней встречи прошел месяц. Несколько дней назад Нико прислал сообщение, что, возможно, заедет на вечеринку к Лионелу. Не познакомься она с Эмметтом, то обязательно ушла бы с вечеринки с Нико, но теперь у нее уже был спутник на вечер. Нико не свойственно излишнее любопытство – он не станет задавать слишком много вопросов. Их отношения всегда были как бы случайно глубокими. Глубоко случайными. И если бы Нико понадобилось, он легко нашел бы веселую даму в костюме тако или умную – в просторной белой рубаше со словом «фрейдистка» на груди, и в конце вечеринки удалился бы с ней в глубь длинной подь-

³² Нико, я твоя (фр.).

ездной дорожки у дома Лионела. Мысль о Нико, уходящем с маскарада не с ней, а с другой женщиной, не то чтобы запускала у Талли счетчик ревности, но внутри у нее покалывало – где именно, она точно сказать не могла.

Нико бывал чрезвычайно упрямым и одержимым, зацикливался на споре, пока не доносил свою точку зрения до оппонента сто раз, но при этом он знал не только свои сильные стороны, но и недостатки, и сразу просил прощения. Он был красив и подходил ей, как герои романов ее любимой Джейн Остин. В ее представлении мисс Остин, забегая вперед, описала бы его, как высокого молодого человека с большими синими, как у Синатры, глазами, длинными ресницами и добродушной физиономией. Энергия Нико представлялась ей такой же синей, как его глаза. Талли иногда сама удивлялась, что не вышла за него, когда он предложил, а они еще учились в колледже. Время выбрал неправильное. А теперь серьезные отношения с кем бы то ни было, пусть даже и с Нико, были бы после развода с Джоэлом расценены как слишком поспешные.

После развода в ее поведении не появилось так уж много необычного, за исключением того, что она давала волю своему естественному стремлению открыто предаваться грехам, плакала и поела мороженое в больших количествах, когда не работала, позволяла себе среди дня выпить бокал или два вина, слишком много тратила на пряжу, пижамы, а также французские и корейские продукты ухода за ко-

жей. Она втайне завидовала разведенным подругам, которые делали пластические операции, потчевали себя поездками на тропические курорты и покупками элитных автомобилей, имели бездумный секс с мужчинами, с которыми знакомились в приложениях для случайных связей. Одна подруга исчезла больше чем на месяц, умотав с лихим французом в Париж. Айша после каждого разрыва отношений делала стрижку и перекрашивала в спальне стены, раскуривала шалфей и дымила, изгоняя самые последние крупницы воспоминаний о любовнике. Талли хоть и мучилась бессонницей, не просила выписать ей снотворное и даже не сменила прическу по случаю развода. Она пока не разгулялась, но понимала, что рычаг пейнтбольной машины оттянут далеко – и она вот-вот отпустит его, после того как многие годы она не обращала внимания на свои чувства, а лишь прислушивалась к чувствам других. Она еще разгуляется! Она такое устроит! Все еще будет!

* * *

Эмметт опять вдохнул через рот, выдохнул через нос, и это было так чувственно! Зачем он это делает? Так сексуально. Ах, этот неразрешимый парадокс: с одной стороны, она не хочет, чтобы он себе вредил, а с другой – ей так нравится смотреть на него с сигаретой. Покраснев, Талли отвернулась. А вдруг он специально? Или вправду настоль-

ко привлекателен, но даже не подозревает об этом? Знает, но все до лампочки? Ему сейчас много о чем приходится думать. Он мог просто облокотиться о стену, сексуально курить, и ни одной живой душе не будет до этого дела. Он был в депрессии, а депрессия не делает человека сексуально привлекательным. Она ее видела каждый день в таких количествах, что никак ее не романтизировала. Люди умирали, люди страдали, люди сдавались. Забывали, как они важны и любимы. Депрессия, как вакуум, высасывала из человека все, не оставляя ничего, кроме тяжелого бремени пустоты.

Они стояли у окна ресторана и молча курили. Она боялась, что Эмметт, глядя на нее, прочитает ее мысли, и постаралась придать лицу непринужденное выражение. Эту технику она часто использовала в работе с клиентами: проектировала безмятежность. И когда он ей улыбнулся, улыбка не была пугающей. А была приятной и немного хитрой. Как будто он хотел сказать «я ведь тебе говорил». Талли улыбнулась в ответ. «Точно. Ты ведь мне говорил».

* * *

– Еще раз спасибо за все. Еда, напитки, выбор костюмов, – сказал он, когда уже после обеда они шли по торговой улице и воздух был как прохладная вода.

– Не стоит благодарности, – сказала она и на мгновение замолчала. – Вчера я сказала, что мне лучше, но временами

после развода мне по-прежнему тяжело, – выпалила она.

– Слушай, он, судя по всему, придурок. И тебя не сто́ит. – Эмметт будто только и ждал разрешения это сказать.

– А ты в этом уверен? – фыркнув, переспросила Талли.

Они остановились у магазина свечей. Талли знала, что, попадая туда, теряла способность надлежащим образом распорядиться деньгами и без малейших колебаний отдавала полтинник за свечи, от которых дома пахло костром, тыквой, яблоневым цветом. Оглядев витрину, она заметила свечку этой осени, выпущенную ограниченным тиражом, которой не было в наличии в ее прошлый визит. Она прижалась носом к стеклу.

– Черт побери, я все бы отдал за такую жену, как ты. Честное слово, – сказал он, глядя на ту же самую свечку с тем же вожделением.

– Да ладно, ты просто пьян, – хихикнув, возразила она. – Зайдем, купим ее. Но цены здесь заоблачные. Пошли. – Она взяла его за руку, он не сопротивлялся.

* * *

Для похода на торговую улицу Талли выбрала удобную одежду, в которой чувствовала себя привлекательной, будто сорокалетняя Гермиона Грейнджер, отправившаяся на экскурсию в Хогсмид за сливочным пивом. На ней была просторная теплая кофта, вязать которую она закончила еще

в летнюю жару, насыщенного цвета красного золота. Она надела ее поверх серого боди с длинным рукавом и темных джинсов в обтяжку. На ноги она сначала хотела надеть оксфорды цвета ириски, но передумала и надела проверенные водонепроницаемые ботинки коричневого цвета, гордая собой из-за сделанного впервые за эти сутки разумного и практичного выбора. Она не хотела, чтобы было заметно, будто она прилагает слишком большие усилия, но ведь это был особый случай: Эмметт жив! И она жива! Она добавила серьги-кольца, маскирующий карандаш и пудру, подводку для глаз и румяна. И помаду, как же без нее. Она из дома не выходила, не наложив хотя бы телесный оттенок и блеск для губ.

После того как Талли купила свечи, они еще походили по магазинам, разглядывая товары, со смехом критикуя, иногда соглашаясь, если находили что-то необычное и интересное.

– Так ты был женат? – Она задала ему этот вопрос, когда они уже шли к парковке. Она купила мохнатую голубую шапку-ушанку и напялила ему на голову, и он так и не снял ее, как будто носил всю жизнь. Такую же красную она купила для себя.

– Да, был, – сказал он.

Кристина? Бренна? Обе?

– И что произошло? – спросила она.

– Произошло то, что... я больше не женат.

Она улыбнулась ему, игриво шлепнула по локтю.

– И это все? – спросила она.

– Теперь твоя очередь быть со мной честной.

– Я подумываю об усыновлении, – призналась она. Этого никто, кроме Айши, не знал.

– Вот это да. Серьезный разговор. Очень серьезный.

– Ну да. Раз в несколько дней я захожу на нужный веб-сайт и думаю: «А что, если?»»

Ей нравилось щелкать по страничкам и читать о беременных женщинах – некоторым до родов оставались многие месяцы. И если бы они подошли друг другу, то спустя от суток до трех после рождения младенца мог бы оказаться у нее. Ей нравилось думать о том, как она будет переделывать гостевую спальню в детскую и вязать носочки и шапочки из бамбукового волокна. Ее не приводила в ужас, как было еще совсем недавно, мысль о том, насколько изменится ее жизнь, когда она станет матерью-одиночкой. Эмоциональная травма после предательства Джоэла и развода вызывала у нее чувство, что она начинает жить с чистого листа. Раньше она с этим чувством боролась, но теперь... Теперь она наконец была готова именно это и сделать.

* * *

Машину вел Эмметт. Талли была под воздействием выпитого и, вопреки своим недавним поступкам, от природы

не была любителем рисковать. В начальной школе она следила за безопасностью в составе патрульного отряда и в детские годы в каждом доме, где им приходилось жить, насильно устраивала всей семье учебную пожарную тревогу. Услышав о супругах, погибших на отдыхе от смертоносного газа, она убедила Джоэла, что если им в отпуске предстояло жить в отелях, то следовало брать с собой портативный прибор для обнаружения угарного газа. Теперь, удобно устроившись на пассажирском сиденье, Талли включила радио и стала искать песню, чтобы угодить Эмметту.

– Скажешь мне, когда остановиться, – попросила она. Она перебирала станции одну за другой, и он помалкивал, пока она не дошла до Сэма Кука с песней *Bring It on Home to Me*.

– Давай эту. Она мне нравится, – сказал он.

– И мне. – Она помолчала. – А почему ты сказал, что все бы отдал за такую жену, как я? – спросила она, не дав себе времени передумать. Они остановились у знака «стоп». Дворники сонно скользили по стеклу. В боковом зеркале сквозь дождь неслись красные и синие огни. Завыла сирена.

– Не переживай. Все нормально, – не выпуская руль из рук, спокойно ответил Эмметт.

– Черт, ты пьян? Посмотри на меня. – Он повиновался. Его глаза не были ни воспаленными, ни остекленевшими.

– Я в порядке.

Обернувшись, Талли увидела, что к машине подходит полицейский. Она понимала, что сейчас он попросит права,

регистрацию и документ о страховке. Так и бывает, так всегда и бывает. Эмметт снял новую мохнатую ушанку, убавил громкость песни Сэма Кука, заглушил двигатель, опустил стекло. Когда он все это успел? Какие-то провалы в памяти. Надо заняться кроссвордами и загрузить на телефон приложение, что-то вроде стимулятора работы мозга. Может, попить витаминов? Нужно пополнить запасы витаминов. Органических, сделанных на основе пищевых продуктов. Она обязательно их закажет. Она пожертвует денег на защиту девочек от секс-торговли и секс-рабства, а еще она закажет витамины. Все это она сделает, как только доберется до дома, и все будет доставлено и решено к вечеру воскресенья, чтобы правильно начать новую неделю.

– Я притормозил вас, потому что вы не полностью остановились вон у того знака. Пожалуйста, ваши права, регистрацию и документы о страховке, – сказал полицейский у водительского окна.

– Извините, инспектор. Вот регистрация и страховка, – порывшись в бардачке и достав документы, сказал Эмметт. Талли не говорила ему, где они были, – он сам открыл нужное отделение и нашел их.

Талли сидела неподвижно, сложив руки на коленях и глядя на них, будто они ей не принадлежали. Будто ее новые руки были пристегнуты к запястьям и ей нужно было их рассмотреть, чтобы удостовериться, что хотела именно эти. Она смотрела на палец левой руки без кольца, на свои короткие

ногти с недавно нанесенным ярко-оранжевым лаком.

– Ваши права? – попросил полицейский.

– У меня их нет при себе. Мне так жаль.

– У вас при себе нет прав по какой-то особой причине?

– Нет, инспектор. Я их просто забыл.

– Когда вы управляете транспортным средством, следует всегда иметь при себе права. – Полицейский обратился к Эмметту таким тоном, каким, по мнению Тали, говорят лишь с непослушными детьми.

– Да, так точно, инспектор.

– Как вас зовут? – вздохнув и вытащив из кармана блокнот, спросил полицейский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.